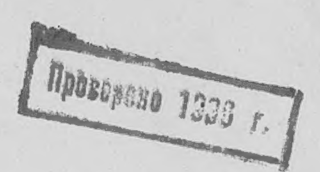
МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ БІОГРАФІИ КРЫЛОВА,

ПРИЛОЖЕНІЯ

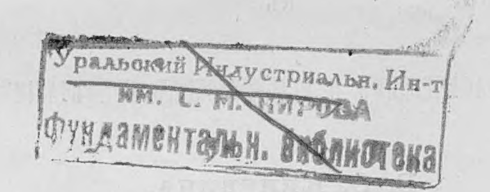
КЪ

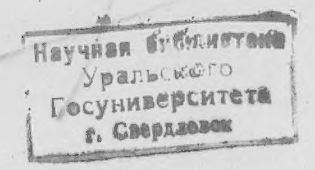
«БИБЛІОГРАФИЧЕСКИМЪ И ИСТОРИЧЕСКИМЪ ПРИМѢЧАНІЯМЪ»

В. Ѳ. Кеневича.

Изъ Тома VI, Сборника Отдѣленія Русскаго языка и Словесности.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ БІОГРАФІИ КРЫЛОВА,

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ «БИБЛІОГРАФИЧЕСКИМЪ И ИСТОРИЧЕСКИМЪ ПРИМѢЧАНІЯМЪ» Г. КЕНЕВИЧА.

I.

Свѣдѣнія о службѣ А. П. Крылова и о годѣ рожденія И. А. Крылова.

Андрей Прохоровичъ Крыловъ, отецъ баснописца, своею дѣятельностію во время защиты Яика отъ скопищъ Пугачева обратилъ на себя вниманіе автора «Исторіи Пугачевскаго бунта», который призналъ его однимъ изъ главныхъ защитниковъ этой крѣпости. Слава и заслуги его сына даютъ ему еще большее право на вниманіе потомства. Нѣкоторые документы, относящіеся къ его служебной дѣятельности, доставленные намъ изъ Московскаго отдѣленія общаго архива Главнаго Штаба, благодаря обязательному содѣйствію Л. Г. Иванова, и сохранившіеся въ бумагахъ К. С. Савельева, даютъ возможность сообщить нѣсколько интересныхъ свѣдѣній о судьбѣ и заслугахъ почтеннаго воина.

Изъ указа объ его отставкѣ, даннаго 14 мая 1775 года, узнаемъ, что А. П. Крыловъ происходилъ изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей; умѣлъ читать и писать, по наукамъ не учился. Въ 1751 году [1]) 6-го сентября онъ поступилъ на службу въ Оренбургскій драгунскій полкъ рядовымъ; прошелъ должности ротнаго писаря, каптенармуса, сержанта, и наконецъ 1-го января 1764 года произведенъ въ прапорщики. Черезъ два года (1766 г. 1-го января) его пожаловали въ поручики того же полка, какъ видно изъ даннаго ему на этотъ чинъ диплома, а 1-го марта 1772 г. въ капитаны. Въ этомъ чинѣ онъ поступилъ подъ команду генералъ-маіора Фреймана, командированнаго въ 1772 г. противъ мятежныхъ Яицкихъ козаковъ; а въ 1774 г. перешелъ подъ начальство полковника Симонова, отряженнаго для защиты Яицкаго городка, который

---

[1]) По формуляру 1769 г.

бунтовщики держали въ осадѣ съ 30-го декабря 1773 по 16-е апрѣля 1774 г. Приводимъ изъ прошенія объ отставкѣ то мѣсто, гдѣ А. П. описываетъ свою дѣятельность и положеніе гарнизона:... «во время чинимыхъ отъ злодѣевъ на ретранжаментъ неоднократно приступовъ и покушеній, имѣя въ вѣдѣніи моемъ отдѣленной фасъ, оной во всякое время ревностно оборонялъ, да и къ подкрѣпленію другихъ опасныхъ мѣстъ былъ же употребляемъ; а наконецъ, когда въ пропитаніи людямъ наступилъ крайній недостатокъ и опасность настояла, чтобы солдаты, не стерпя голоду, не оставили свою должность, имѣя въ вѣдѣніи моемъ шестую легкую полевую команду, всѣ силы употреблялъ черезъ увѣщанія и обнадеженіи прибытіемъ скорѣйшаго сикурса, о чемъ ни малѣйшаго извѣстія ни откуда не было, подкомандующихъ въ должномъ послушаніи удержать, которые удобнѣе наконецъ согласились, по неимѣнію всякой пищи, землю ѣсть. Слѣдовательно и доказали изъ того, что лучше померетъ хотѣли, нежели присяжную свою должность презрѣть; въ таковыхъ обстоятельствахъ и я самъ съ ними какъ въ пищѣ, такъ и во всемъ равному недостатку и всѣмъ трудностямъ былъ подверженъ».

Послѣ освобожденія Яицкаго городка отъ осады, капитану Крылову поручено было произвести поиски за измѣнниками, «коихъ онъ», по засвидѣтельствованію генералъ-маіора П. Потемкина [1]), «не малое число привелъ къ должности». «А какъ гвардіи капитанъ-поручикъ Мавринъ» [2]), продолжаетъ П. Потемкинъ, «посланъ былъ отъ меня со отдѣленною коммиссіею въ Уральскъ, тогда онъ, Крыловъ, въ его, Маврина, вѣдѣніи состоялъ и всѣ его повелѣнія, касающіяся по долгу службы исправлялъ, съ таковымъ усердіемъ и ревностію, какъ надлежитъ вѣрноподданному ея императорскаго величества рабу».

Въ мартѣ 1775 года А. П. подалъ челобитную объ «увольненіи его отъ воинской въ статскую службу», при чемъ ссылался на разстроенное здоровье, находя себя болѣе способнымъ къ статской службѣ, нежели къ военной, и на узаконеніе о вольности дворянства. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ просилъ, чтобы его за «безпорочную и ревностнѣйшую службу, при сей перемѣнѣ, какъ онъ уже въ послѣднемъ чинѣ состоялъ три года, въ переименованіи изъ воинскаго чина въ статской повышеніемъ всемилостивѣйше повелѣно было наградить».

Въ слѣдствіе этого прошенія, 28-го апрѣля состоялось опредѣленіе военной коллегіи, гдѣ между прочимъ сказано: «капитанъ Крыловъ... за слабостію здоровья отъ воинской службы отставленъ, а какъ онъ желаетъ къ статскимъ дѣламъ, каковыя при опредѣленіи награждаются не воинскими, но статскими чинами отъ правительствующаго сената, то

[1]) Начальника секретной коммиссіи.

[2]) Членъ секретной коммиссіи; онъ находился въ Яицкомъ городкѣ въ сентябрѣ 1774 г. и производилъ тамъ первый допросъ выданному своими сообщниками Пугачеву. (*Матеріалы для ист. п. б., Зап. Ак.* т. I, кн. 2).

тѣмъ же чиномъ и съ симъ ея императорскаго величества указомъ отпущенъ на его пропитаніе, и при томъ ему объявлено, чтобы онъ о опредѣленіи къ статскимъ дѣламъ просилъ гдѣ надлежитъ». Указъ этотъ данъ былъ въ Москвѣ 14-го мая 1775 года.

Не удовлетворенный рѣшеніемъ военной коллегіи, Крыловъ 22-го іюня того же года обратился съ слѣдующимъ прошеніемъ къ П. С. Потемкину, которое наводитъ на мысль, что дѣйствительною причиною его отставки была обида, а не разстроенное здоровье.

«Принеся вашему высокопревосходительству чрезъ покойнаго атамана Бородина [1]) мою всенижайшую просьбу, хотя изливаемаго на всѣхъ вашего милосердія и не отчаяваюся, но внаступающее торжество мира [2]) и что за кончиною того милостивца, можетъ статся, уже припомнить обо мнѣ некому, осмеливаюся внадеждѣ безприкладной милости вашему высокопревосходительству съ моимъ наиглубочайшимъ подобострастіемъ доложить. Слухъ здѣсь носится, что 10-го числа іюля ея императорскаго величества милостію имѣютъ быть многіе награждены. Не возможно ль, высокомилостивѣйшій гдрь, и меня приобщить къ числу тѣхъ. Тамъ всеконечно многихъ чиновъ заслуги взыщутся; а я во всю въ Уральскомъ городкѣ осаду, которая столь изъ рѣдкихъ, что едва ль по исторіи другая ей подобна сыщется, будучи при комендантѣ подъ нимъ вторымъ, при всякомъ случаѣ всѣ силы употреблялъ, какъ къ преодоленію непріятеля, такъ вразсужденіи ретраншамента и всѣхъ онаго укрѣпленій, а наиболѣе воинской предосторожности въ попѣченіи и наблюденіи нужнаго распорядка, такъ что не было никакого и малѣйшаго предначертанія ниже дѣйствія, въ которомъ бы я совершеннаго участія не имѣлъ, ибо естьли я не больше, что изъ пристойности неприлично выговорить, то по послѣдней мерѣ неменьше самаго командира во всѣхъ подробностяхъ распростирался. О чемъ, уповаю, каждый изъ бывшихъ въ помянутой блокадѣ можетъ по справедливости засвидѣтельствовать. Знаю, высокомилостивѣйшій гдрь, что меня, какъ и каждаго непремѣнной долгъ къ тому обязуетъ; но ея величеству благоугодно все заслуги милостиво награждать; а такимъ особамъ, какъ ваше высокопревосходительство за безгласныхъ людей заступаться. И такъ не отрыньте, премилосердый гдрь, усерднѣйшаго прошенія на ваше отеческое заступленіе все свое упованіе полагающаго, который тѣмъ наиболѣе милость своего мецената долженствовать будетъ чувствовать, что мѣнше щастія имѣетъ вашему высокопревосходительству быть въ состояніи оную когда либо заслужить, какъ только съ наиглубочайшимъ решпѣктомъ къ знаменитому вашего высоко-

---

[1]) Мартеміанъ Бородинъ — старшина Яицкаго войска, преслѣдовавшій Пугачева послѣ отраженія его отъ Царицына.

[2]) Кучукъ-Кайнарджискаго, празднованнаго 10-го іюля 1775 года.

*

превосходительства имени и со всеусерднымъ подобострастіемъ быть, называться не перестанетъ во всю свою жизнь,

Всемилостивѣйшій государь,
Вашего высокопревосходительства
всенижайшимъ и всепокорнѣйшимъ слугою [1]).

Въ слѣдствіе этого письма П. Потемкинъ, 7-го іюля 1775 г., сдѣлалъ представленіе въ военную коллегію, въ которомъ, исчисливъ заслуги капитана Крылова во время осады Яицкаго городка и послѣ, просилъ не оставить его безъ награжденія. «Принимая во уваженіе сего офицера отличную службу», писалъ онъ, «задолжное почелъ представить и покорнѣйше просить, чтобъ противу другихъ его братіи въ награжденіи оставленъ не былъ». Но военная коллегія, основываясь на томъ, что капитанъ Крыловъ уже уволенъ отъ военной службы къ статскимъ дѣламъ и что награжденіе его зависитъ отъ правительствующаго сената, опредѣлила (7 августа 1775 г.) сообщить объ его похвальной службѣ въ герольдмейстерскую канцелярію, для вѣдома промеморіею, что и было исполнено 12-го августа того же года.

Полагать надо, что герольдмейстерская канцелярія не обратила вниманія на промеморію военной коллегіи, потому что А. П., три года спустя, умеръ (на 41 году) [2]) въ чинѣ коллежскаго ассесора, слѣдовательно, не получивъ повышенія.

Извѣстно, что послѣ смерти А. П. семейство его впало въ крайнюю нищету. Марья Алексѣевна, мать поэта, убѣдившись въ безполезности всѣхъ ея хлопотъ о пенсіи за службу мужа, принуждена была наконецъ опредѣлить своего старшаго сына подканцеляристомъ въ калязинскій уѣздный судъ. Какъ свидѣтельство тогдашняго ея положенія, сохранилось ея прошеніе на высочайшее имя, заключающее въ себѣ нѣсколько интересныхъ данныхъ; а потому предлагаемъ его вполнѣ.

«Всемилостивѣйшая Государыня! Сердобольное вашего величества ко всѣмъ несчастнымъ снисхожденіе и милость, вливаютъ смелость всѣмъ, бѣдствіямъ подверженнымъ, припадая къ престолу Вашему, искать облегченія своего бремени, и утешенія своимъ горестямъ.

«Я исчисла сихъ нещастныхъ. Мужъ мой сего году марта 17 числа, по власти Божіей окончившей жизнь, тверскаго намѣстничества губернскаго магистрата председатель, коллежскій ассесоръ Андрей Крыловъ вслужбѣ вашего імператорскаго величества находился съ 751 года, сперва въ оренбургскомъ гарнизонѣ, а потомъ вполевой службѣ капитаномъ, и, командуя шестою полевою командою, въ многократныхъ противъ Уральскихъ мятежниковъ военныхъ дѣйствіяхъ и въ осадѣ отъ сихъ же зло-

---

[1]) Съ черновой, сохранившейся въ бумагахъ, принадлежащихъ г. Савельеву.

[2]) Въ указѣ объ отставкѣ ему показано 37 лѣтъ.

дѣевъ въ Уральскомъ городкѣ былъ, причемъ оказалъ отменную ревность и храбрость. Наконецъ истоща всѣ силы, по окончаніи уже всѣхъ тамъ бывшихъ неспокойствъ въ 775 году просилъ о опредѣленіи встатскую службу, почему и отъставленъ съ чиномъ коллежскаго ассесора и опредѣленъ втверское наместничество; а хотя онъ былъ і изъ оберъ офицерскихъ дѣтей, но никакихъ вотчинъ и ниже такого достатка, коимъ бы я себя здѣтми и семействомъ, содержать могла, неимѣлъ, а содержалъ себя однимъ токмо жалованьѣмъ; то я нынѣ лишеніемъ его съ двумя сынами, изъ коихъ одному десятой, а другому второй годъ, всѣмъ происходящимъ отъ крайней бѣдности жесточайшимъ слѣдствіямъ преданная, безъ подкрѣпленія вашего императорскаго величества матернія щедроты впаду въ неминуемое отчаяніе.

«Всемилостивѣйшая Государыня! всей моей крайности дерзаю припасть ко освященнымъ вашего величества стопамъ и повергнуть себя здѣтми вбеспримѣрныя вашего величества матернія щедроты, воззрите милостиво на наше нещастное состояніе и, принявъ воуваженіе двадцати семи лѣтнюю мужа моего беспорочную и ревностную службу, повелите на пропитаніе наше и на воспитаніе дѣтей опредѣлить что вашему величеству всевышній Богъ на сердце положитъ.

Всемилостивѣйшая Государыня,
вашего величества
всеподданнѣйшая раба [1]).

Какія послѣдствія имѣло это прошеніе для семейства Марьи Алексѣевны и даже было-ли оно отослано — не знаемъ; но для насъ оно имѣетъ весьма важное значеніе, потому что даетъ возможность разрѣшить недоразумѣнія и устранить противорѣчія, которыя находимъ въ біографіяхъ нашего баснописца, составленныхъ преимущественно на основаніи собственныхъ его разсказовъ. Такъ, въ статьѣ Лобанова сказано: «Онъ (Иванъ Андреевичъ) лишился его (отца) на 13-мъ году своей жизни, т. е. въ 1781 году». По словамъ же Плетнева, А. Пр. долженъ былъ отправиться въ Оренбургъ въ 1777 г., а умеръ въ 1780 году, когда Ивану Андреевичу было одиннадцать лѣтъ (X, XI стр.). Эти противорѣчивыя показанія вмѣстѣ съ другими данными, столь же сомнительными, дали поводъ Я. К. Гроту высказать весьма правдоподобное предположеніе, что Иванъ Андреевичъ родился раньше 1768 г., напримѣръ, въ 1764 г. (См. выше *Дополнительное біографическое извѣстіе о Крыловѣ*).

Если Андрей Прохоровичъ опредѣлился на службу въ 1751 году, какъ показано въ его формулярномъ спискѣ, и прослужилъ двадцать семь лѣтъ, что видно изъ приведеннаго выше прошенія, то онъ умеръ въ 1778 году

[1]) Съ черновой, сохранившейся въ бумагахъ г. Савельева, написанной писарскою рукою и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ исправленной другою рукою вовсе не писарскою.

Умирая, онъ оставилъ двухъ сыновей, изъ коихъ старшему, т. е. Ивану Андреевичу, былъ *десятый* годъ, а младшему, Льву, *второй*; отсюда слѣдуетъ, что Иванъ Андреевичъ родился въ 1768 г., а его братъ въ 1776 г. Такой выводъ совершенно согласенъ съ собственнымъ показаніемъ Льва Андреевича: 6-го января 1823 г. въ письмѣ своемъ къ брату онъ между прочимъ говоритъ: «Мы теперь оба становимся старики, ибо мнѣ скоро 46 лѣтъ кончится (а въ службѣ 37-й годъ съ сентября пошелъ), а тебѣ, голубчикъ тятенька, 54 скоро минетъ», т. е. 2-го февраля 1823 г. Иванъ Андреевичъ вступилъ въ 55-й годъ жизни.

II.

Служба И. А. Крылова до первой отставки.

Какъ сказано выше, бѣдность принудила Марью Алексѣевну прервать ученическія занятія сына и опредѣлить его на службу. Въ аттестатѣ, выданномъ ему въ 1810 г. 30 сентября, при увольненіи отъ службы въ монетномъ департаментѣ, сказано: «...въ службу вступилъ въ калязинскій уѣздный судъ подъканцеляристомъ 1781 года февраля 2-го дня» (т. е. ровно 14-ти лѣтъ).

«Того жъ года декабря 4-го дня переведѣнъ въ тверской губернскій магистратъ, канцеляристомъ.

«782 года января 10-го по увольненіи отъ туда опредѣленъ въ санктпетербургскую казенную палату темъ же чиномъ [1]), гдѣ произведенъ 785 апреля 6-го провинціальнымъ секретаремъ.

«788 марта 11-го изъ оной по прошенію уволенъ и опредѣленъ въ кабинетъ его императорскаго величества.

«790 декабря 7-го изъ онаго за болѣзнію уволенъ» [2]).

Предпослѣдній (1789) годъ службы Крылова замѣчателенъ участіемъ его въ издаваемомъ Рахманиновымъ журналѣ *Почта Духовъ*, который и печатался въ его типографіи; хотя въ то время и не было обычая обозначать на заглавномъ листѣ, гдѣ печаталась книга, однакожъ по вензелю на оборотѣ перваго листа (И. Р.) изданныхъ Рахманиновымъ журналовъ: *Утренніе Часы* (1788 г.) и *Почта Духовъ* должно заключить, что типографія принадлежала ему, а не Крылову [3]). Единственное извѣстное

---

[1]) Переписка, возникшая по причинѣ этого перевода, сохранилась въ архивѣ тверскаго губернскаго правленія; она была напечатана въ *Сѣв. Пчелѣ* 1846 г. № 292 (см. наши *Примѣчанія* стр. 273—275).

[2]) Ср. *Вѣстн. Евр.* 1868 г. № III стр. 221.

[3]) Въ статьѣ, напечатанной въ *Русскомъ Инвалидѣ* (1868 г. 2 февр., № 31) высказана мысль, что Крыловъ вышелъ въ отставку вслѣдствіе связи своей съ Радищевымъ, который въ томъ же году издалъ свою книгу. Если бы было такъ, то, вѣроятно, его удалили бы изъ кабинета, какъ неблагонадежнаго чело-

намъ свидѣтельство объ участіи Крылова въ послѣднемъ изъ этихъ журналовъ заключается въ собственныхъ его словахъ, сказанныхъ Быстрову: «Помнится, мой милый, что разъ поссорились мы съ Рахмановымъ (sic) за то, какое дать названіе журналу». (*Спб. Пч.* 1845, № 203). Что здѣсь рѣчь идетъ о *Почтѣ Духовъ*, въ томъ нельзя сомнѣваться, потому что въ 1802 г. Крыловъ вторично издалъ этотъ сборникъ, на что, конечно, не рѣшился бы, еслибъ не считалъ его своею собственностію. Это обстоятельство подтверждаетъ мнѣніе Я. К. Грота, что такъ какъ Крыловъ «признавалъ *Почту Духовъ* за свой трудъ, и во всякомъ случаѣ былъ ея главнымъ редакторомъ, то приходится включить ее въ составъ его сочиненій». (*Вѣстн. Евр.*, 1868 г. № III, стр. 222).

Первый годъ по выходѣ въ отставку (1791) Крыловъ провелъ въ провинціи, именно, въ брянскомъ уѣздѣ, гдѣ по словамъ г. Алабина (*Рус. Арх.* 1868 г. № 4 и 5, стр. 864), познакомился съ Анной Алексѣевной Константиновой, которой посвятилъ свои стихотворенія, появившіяся въ печати въ 1793 г. въ *Меркуріи*, вѣроятно, послѣ окончательнаго разрыва его съ семействомъ Константиновыхъ.

вѣка, немедленно по открытіи его неблагонадежности; между тѣмъ мы видимъ, что онъ почти полгода послѣ выхода въ свѣтъ *Путешествія въ Москву* остается на службѣ (это сочиненіе появилось въ іюнѣ 1790 г. (*Зап.* Храповицкаго, 26-го іюня этого года).

Въ біографическомъ очеркѣ Крылова, напечатанномъ нами въ *Вѣстникѣ Европы* (1868 г. № 2, стр. 712) сказано, что Крыловъ долженъ былъ закрыть типографію и прекратить изданіе журнала вслѣдствіе подозрѣнія, будто онъ участвовалъ въ изданіи книги Радищева. Почитаемъ своею обязанностію объясниться. Весь этотъ разсказъ (какъ и сказано въ *Очеркѣ*) переданъ нами почти буквально со словъ покойнаго Н. И. Греча, которому мы не могли не вѣрить тѣмъ болѣе, что и самъ Крыловъ въ разговорахъ своихъ съ Быстровымъ намекалъ на полицію, бывшую, повидимому, причиною прекращенія его типографской дѣятельности. Изложенные факты свидѣтельствуютъ, что разсказъ Греча совершенно не вѣренъ: въ 90 году у Крылова не было типографіи, и самъ онъ спокойно оставался на службѣ (о типографіи Крылова и причинѣ ея закрытія см. ниже). Всѣ эти соображенія даютъ поводъ думать, что между Радищевымъ и издателями *Почты Духовъ* не было никакихъ литературныхъ отношеній; а если и были, то весьма отдаленныя. Что же касается до посѣщенія полицейскимъ чиновникомъ типографіи Рахманинова (а не Крылова, какъ сказано въ *Очеркѣ*), то нѣтъ никакой причины отвергать достовѣрность этого факта: весьма вѣроятно, что Шешковскій, получивъ приказаніе произвести слѣдствіе надъ Радищевымъ, прежде, чѣмъ тотъ сознался, что напечаталъ свое сочиненіе въ домашней типографіи, купленной у Шнора, разослалъ своихъ сыщиковъ по всѣмъ типографіямъ, чтобы развѣдать, гдѣ напечатана его книга. Такъ, а не иначе и должно было ему поступить, потому что въ переданныхъ ему замѣчаніяхъ Императрицы 1-й пунктъ указывалъ на то, что на книгѣ не означено типографіи.

*

III.

1792 — 1796 г.

(Крыловъ-типографъ)

и 1797 — 1811 г.

Въ *Опытѣ* Сопикова (ч. I, стр. CXIX) о типографіи Крылова находимъ слѣдующее извѣстіе: «Когда въ 1783 году указомъ Генваря 15-го дана свобода всякому подъ надзираніемъ полицейской цензуры заводить оныя (типографіи), то въ С.-Петербургѣ немедленно открылись вольныя типографіи: Брейткопфа, Вильковскаго, Гека, П. Богдановича, Крылова, Мейера и другихъ». Г. Лонгиновъ въ своемъ сочиненіи: «Новиковъ и московскіе мартинисты» (стр. 282) также относитъ типографію Крылова къ числу существовавшихъ въ осьмидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка. Но внимательное разсмотрѣніе этого предмета приводитъ совершенно къ инымъ заключеніямъ.

Типографское общество, во главѣ котораго стоялъ Крыловъ, начало свою дѣятельность въ 1792 году изданіемъ ежемѣсячнаго журнала: *Зритель*, на заглавномъ листѣ котораго означена типографія «Крылова съ товарищи». Съ этою надписью появляются книги до 1796 года. Единственнымъ свидѣтельствомъ существованія типографіи Крылова въ этомъ году остается изданіе *Приключеній шевалье де Фобласа, соч. Лувета де Кувре*, перев. съ французскаго, въ 13 частяхъ, начатое еще въ 1792 году и окончившееся въ 1796 г. [1]).

Надо полагать, что дѣятельность типографіи Крылова была весьма ограниченная: въ Смирдинской Росписи мы нашли только десять изданій, вышедшихъ изъ этой типографіи, и всѣ они весьма незначительны по объему; указъ императора Павла объ упраздненіи всѣхъ типографій, за исключеніемъ состоящихъ при присутственныхъ мѣстахъ [2]), положилъ конецъ и этой дѣятельности.

1797—1801 годы, ничѣмъ особеннымъ не отмѣченные въ біографіи Крылова, проведены имъ въ имѣніи князя С. Ѳ. Голицына, Казацкомъ. Свѣдѣнія объ этой эпохѣ жизни баснописца сообщены Я. К. Гротомъ въ статьѣ, помѣщенной выше подъ заглавіемъ: *Дополнительное біографическое извѣстіе о Крыловѣ*.

Осенью 1801 г. князь Голицынъ былъ назначенъ военнымъ губернаторомъ въ Ригу, и Крыловъ «801, октября 5-го, опредѣленъ по указу правительствующаго сената къ нему секретаремъ, гдѣ произведенъ 802-го

---

[1]) См. Смирдинскую Роспись.

[2]) Полное собр. законовъ, т. XXIV, № 17811, декабрь 1796.

декабря 31-го губернскимъ секретаремъ» [1]). Эту должность онъ оставилъ въ сентябрѣ 1803 года, что видно изъ слѣдующаго аттестата, даннаго ему княземъ Голицынымъ:

«Отдавая справедливость прилежанію и трудамъ служившаго при мнѣ секретаремъ губернскаго секретаря Крылова, сопрягающаго съ расторопностію, съ каковою онъ выполнилъ всѣ на него возложенныя дѣла, какъ хорошее познаніе должности, такъ и отличное поведеніе, долгомъ почитаю засвидѣтельствовать симъ, что достоинства его заслуживаютъ вниманія. Рига, Сентября 26-го дня 1803 года.» Подписано: «князь Голицынъ».

Что происходило съ Крыловымъ въ теченіи слѣдующихъ за тѣмъ двухъ лѣтъ (1804 и 1805), неизвѣстно: ни въ бумагахъ его, ни въ перепискѣ Льва Андреевича, которая въ это время прерывается, не сохранилось никакихъ извѣстій [2]). Я. К. Гротъ весьма основательно предполагаетъ, что именно къ этому времени относится его полукочевая жизнь и страсть къ карточной игрѣ, заманившая его между прочимъ на нижегородскую ярмарку, о чемъ онъ самъ впослѣдствіи разсказывалъ Н. И. Гречу (см. *Біограф. Очеркъ*, *Вѣстн. Европы*, № II, стр. 714).

Въ концѣ 1805 г. онъ былъ въ Москвѣ, гдѣ написалъ первыя три басни, заимствованныя изъ Лафонтена и напечатанныя И. И. Дмитріевымъ въ первыхъ книжкахъ *Московскаго Зрителя*, издаваемаго кн. Шаликовымъ.

1806-й годъ онъ, кажется, провелъ въ Петербургѣ, и мы думаемъ, что именно къ этому времени должно отнести происшествіе, о которомъ впослѣдствіи онъ разсказывалъ Гречу: вмѣстѣ съ какими-то шулерами онъ былъ призванъ къ генералъ-губернатору, который объявилъ имъ, что они подлежатъ высылкѣ изъ столицы (см. *Біограф. Очеркъ*, *Вѣстн. Евр.* 1868, № 2). Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что въ этомъ году приняты были новыя мѣры противъ азартныхъ игръ, какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ. (См. *Полн. Собр. Зак.* т. XXIX, № 22107).

1807 годъ былъ посвященъ театру: въ этомъ году были написаны и поставлены на сцену комедіи: *Модная Лавка* и *Урокъ Дочкамъ* и волшебная опера *Илья Богатырь*.

1808 годъ особенно замѣчателенъ въ жизни нашего поэта: не переставая служить развитію драматическаго искусства, для чего онъ находилъ необходимымъ издавать спеціальный журналъ, который, дѣйствительно, выходилъ въ теченіе 1808 года подъ заглавіемъ: *Драматическій Вѣстникъ*, онъ въ то же время положилъ основаніе своей славѣ, какъ бас-

---

[1]) Аттестатъ 1810 года.

[2]) Въ 1804 г. 25-го января была играна въ Московскомъ театрѣ его комедія *Пирогъ* въ пользу Сандунова; но отсюда не слѣдуетъ, кажется, заключать, что самъ авторъ долженъ былъ находиться въ Москвѣ.

*

нописецъ. Не бывъ редакторомъ, ни издателемъ упомянутаго журнала, онъ почти каждую книжку его украшалъ своими баснями [1]).

Въ томъ же году «Октября 6-го опредѣленъ въ монетный департаментъ тѣмъ же чиномъ (губернскимъ секретаремъ) и того жъ года декабря 31-го по именному Высочайшему указу пожалованъ титулярнымъ совѣтникомъ». Такъ значится въ аттестатѣ 1810 года, 30-го сентября.

Конецъ 1810 и 1811 г. Крыловъ провелъ въ Петербургѣ, о чемъ свидѣтельствуютъ басни, читанныя имъ въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова, имѣвшей первое свое засѣданіе 14-го марта 1811 года (см. *Примѣчанія*, стр. 74 и слѣд.).

24-го декабря того же года секретарь Россійской Академіи писалъ къ нему: «Императорская Россійская Академія, отдавая справедливость извѣстному ей въ словесныхъ наукахъ знанію вашему, а особливо сочиненіямъ вашимъ, служащимъ истиннымъ обогащеніемъ и украшеніемъ словесности россійской, въ бывшее сего декабря 16-го числа засѣданіе, избрала васъ дѣйствительнымъ своимъ членомъ. На меня возложено, извѣстя васъ о семъ избраніи и препроводя прилагаемый у сего дипломъ, пригласить васъ къ будущему собранію Академію, сего декабря 30-го дня въ 10 часовъ до полудня.

Исполняя сіе весьма для меня лестное порученіе, съ истиннымъ почтеніемъ и таковою жъ преданностію имѣю честь быть *и проч.* Петръ Соколовъ».

IV.

Служба при Императорской Публичной библіотекѣ.

7-го января 1812 г., какъ сказано въ аттестатѣ, данномъ Крылову при окончательной отставкѣ, онъ былъ опредѣленъ въ Императорскую Публичную библіотеку помощникомъ библіотекаря. Высочайшимъ указомъ, даннымъ кабинету 10-го февраля 1812 г., «повелѣно титулярному совѣтнику Крылову производить изъ кабинета въ пенсіонъ по тысячѣ пяти сотъ рублей на годъ». [2])

Съ опредѣленія на службу въ Публичную библіотеку почти до самой смерти въ жизни Крылова не произошло никакихъ внѣшнихъ перемѣнъ. Важнѣйшими фактами въ этомъ періодѣ остаются его басни и тѣ

---

[1]) «Мысль издавать театральный журналъ или газету принадлежитъ кн. Шаховскому, котораго въ этомъ намѣреніи поддерживалъ Крыловъ, обѣщая свое содѣйствіе. Онъ изъявилъ намѣреніе напечатать въ немъ свои басни, до тѣхъ поръ нигдѣ не напечатанныя. Издержки бралъ на себя Рыкаловъ, содержатель театральной типографіи.» (*Дневникъ Чиновника, Отеч. Зап.* 1855, окт. стр. 363).

[2]) Копія съ указа писана рукою Оленина (см. ниже).

случаи, когда ему приходилось выслушивать выраженіе уваженія къ его заслугамъ и таланту. Праводимыя ниже письма остаются единственнымъ — и правду сказать, весьма однообразнымъ свидѣтельствомъ его быстрыхъ успѣховъ, а съ другой стороны, того всеобщаго вниманія, какимъ онъ пользовался во все время своего служенія баснѣ. Замѣчательно, что всѣ они были имъ тщательно сохранены и вмѣстѣ съ рукописями басенъ переданы К. С. Савельеву; можно думать, что онъ дорожилъ ими и желалъ, чтобы они не погибли и для потомства.

Отъ Вилламова къ Оленину, 1814 г. 15-го мая.

М. г., Алексѣй Николаевичъ. Вашему пр—ву извѣстно, съ какимъ удовольствіемъ ея императорское величество слушать изволила чтеніе басней Ивана Андреевича Крылова, а также сочиненій г. Гнѣдича. Въ память сего пріятнаго для ея величества чтенія и всемилостивѣйшаго къ сочинителямъ благоволенія, государыня императрица всемилостивѣйше пожаловать имъ изволила по украшенному брилліантами перстню, указать мнѣ доставить оные къ вашему пр—ву для врученія имъ.

Исполняя симъ высочайшую волю и прилагая при семъ всемилостивѣйше жалуемые гг. Гнѣдичу и Крылову перстни, прошу о полученіи меня увѣдомить, и съ совершеннымъ почтеніемъ *и проч.* Григорій Вилламовъ.

Отвѣтъ Оленина, 1814 г. 16-го мая (съ копіи).

М. г. мой, Григорій Ивановичъ. Я имѣлъ счастіе вчера получить посредствомъ вашего пр—ва высочайше пожалованные два перстня отъ ея императорскаго величества, государыни императрицы Маріи Федоровны, на имя извѣстныхъ гг. Крылова и Гнѣдича, коимъ оные мною и вручены. Я не умѣю вамъ описать, м. г., мои чувства той истинной благодарсти, съ каковою они приняли сей знакъ всемилостивѣйшаго къ нимъ благоволенія. Съ моей стороны я долгомъ почитаю, какъ начальствующій въ императорской публичной библіотекѣ, слѣдственно, какъ сослуживецъ гг. Гнѣдича и Крылова и какъ истинный любитель русской словесности, покорнѣйше просить ваше пр—во принять на себя трудъ при удобномъ случаѣ, довести до свѣдѣнія ея величества и мою всенижайшую благодарность за оказанную означеннымъ чиновникамъ высокомонаршую милость и съ тѣмъ вмѣстѣ за высокое ея покровительство отечественной нашей словесности. Я увѣренъ, что гг. Крыловъ и Гнѣдичъ, поощренные столь лестною наградою, и впредь будутъ стараться новыми произведеніями удостоиться вниманія ея императорскаго величества.

Имѣю честь быть *и проч.* А. Оленинъ.»

14-го августа 1814 г. Оленинъ препроводилъ къ Крылову копію съ слѣдующаго Высочайшаго указа правительствующему сенату:

«Во увѣреніе отличныхъ дарованій въ россійской словесности служащаго въ императорской публичной библіотекѣ титулярнаго совѣтника

Крылова, извѣстнаго пріятными и полезными стихотвореніями, всемилостивѣйше жалуемъ его въ коллежскіе ассесоры, на основаніи 9 пункта повелѣнія, нами даннаго, на имя министра народнаго просвѣщенія въ 14 день Генваря 1811 г. Въ С.-Петербургѣ, августа 14-го дня 1814 г.

«На подлинномъ подписано собственною его императорскаго величества рукою тако: Александръ.»

(Приписка Оленина): Поспѣшая вамъ сообщить копію съ сего явнаго свидѣтельства монаршаго къ вамъ благоволѣнія и поздравляя васъ съ царскою милостію, не премину по возвращеніи съ дачи моей, въ понедѣльникъ, если васъ тамъ не увижу, васъ лично поздравить.

Преданный вамъ А. Оленинъ.

Отъ Н. Лонгинова 1816 г. 15-го мая.

М. г. мой, Иванъ Андреевичъ. По высочайшему повелѣнію государыни императрицы Елисаветы Алексѣевны имѣю честь препроводить у сего бриліантовый перстень, всемилостивѣйше пожалованный вамъ въ знакъ монаршей милости и отличнаго благоволенія, съ которымъ ея императорское величество удостоила принять басни ваши въ стихахъ, заслужившія уже всеобщую похвалу и одобреніе и доставившія ея величеству не меньше удовольствія, сколько оныя пріобрѣли вамъ самому и россійской словесности истинной славы.

При исполненіи столь пріятной для меня обязанности, прошу васъ, м. г. мой, принять увѣреніе *и проч.* Н. Лонгиновъ.

Отъ Прокоповича-Антонскаго, Москва, 1816 г. 20-го мая.

М. г. мой, Иванъ Андреевичъ. Общество любителей россійской словесности, при московскомъ императорскомъ университетѣ учрежденное, отдавая должную справедливость превосходнымъ сочиненіямъ вашимъ и знанію отечественнаго языка, пріятнымъ долгомъ поставляетъ препроводить къ вамъ, м. г. мой, дипломъ на званіе дѣйствительнаго члена и при ономъ печатный экземпляръ устава. Исполняя съ удовольствіемъ порученіе общества, искренно васъ уважающаго, честь имѣю *и проч.* Антонъ Прокоповичъ-Антонскій.

Отъ А. Измайлова, 1817 г. 22-го іюня.

М. г. Иванъ Андреевичъ. Санктпетербургское вольное общество любителей словесности, наукъ и художествъ, уважая отличныя дарованія ваши и труды, принесшія честь и пользу отечественной литературѣ, въ засѣданіи своемъ вчерашняго числа избрало васъ единогласно въ свои почетные члены и возложило на меня пріятную обязанность увѣдомить объ ономъ васъ, м. г., съ тѣмъ что дипломъ на сіе званіе и экземпляръ новаго устава общества въ непродолжительномъ времени къ вамъ доставленъ будетъ.

Исполняя съ особеннымъ удовольствіемъ таковое порученіе, имѣю честь быть *и проч.* А. Измайловъ, предсѣдатель общества.

Отъ П. Кондырева, Казань, 1818, іюля 25-го.

М. г. Иванъ Андреевичъ. Казанское общество любителей отечественной словесности, достодолжно уважая васъ, какъ знаменитаго нашего баснописца, твореніями своими отечественную словесность украсившаго и прославившаго, въ засѣданіи 24-го числа іюня единодушно избравъ васъ въ свои дѣйствительные иногородные члены, поручило мнѣ, какъ секретарю своему, извѣстить васъ о томъ и усердно пригласить въ семъ званіи принимать участіе въ дѣлахъ общества. Съ особеннымъ удовольствіемъ исполняя столь пріятное для меня порученіе и препровождая при семъ уставъ общества, съ истиннымъ почтеніемъ *и проч.* Петръ Кондыревъ, секретарь казанскаго общества любителей отечественной словесности.

Указъ Нашему кабинету. С.-Петербургъ, 27-го марта 1820 г. (съ копіи[1]).

Въ воздаяніе засвидѣтельствованной начальствомъ усердной и похвальной службы дѣйствительнаго библіотекаря императорской публичной библіотеки коллежскаго ассессора Крылова, всемилостивѣйше повелѣваю производить ему въ дополненіе къ получаемому имъ пенсіону, тысячи пятистамъ рублямъ, по указу, данному кабинету въ 10-й день февраля 1812 года, еще по тысячѣ пятисотъ рублей въ годъ изъ суммъ онаго кабинета.

На подлинномъ собственною его императорскаго величества рукою подписано тако: Александръ.

Отъ Оленина, 1820 г. 17 апрѣля.

Государь Императоръ, по докладу господина министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, вслѣдствіе засвидѣтельствованія моего объ усердной и похвальной службѣ вашей, всемилостивѣйше пожаловать васъ соизволилъ въ 27-й день марта сего года кавалеромъ ордена св. равноапостольнаго князя Владиміра 4 степени, котораго знаки были уже къ вамъ доставлены, а нынѣ при семъ доставляется и изготовленная въ капитулѣ имп. рос. орденовъ на сіе всемилостивѣйшее пожалованіе васъ грамота вмѣстѣ съ извѣщеніемъ о взносѣ въ капитулъ на богоудодныя заведенія установленныхъ тридцати рублей, которые по сдѣланному мною распоряженію имѣютъ вычтены быть изъ получаемаго вами по библіотекѣ жалованія для отсылки въ капитулъ въ будущемъ маѣ мѣсяцѣ[2]).

А. Оленинъ.

Докладъ статсъ-секретаря Оленина Государю Императору, 1824 года 16 апрѣля (съ копіи).

Въ 1814 году по всеподданнѣйшему моему докладу ваше императорское величество всемилостивѣйше пожаловать соизволили знамени-

[1]) Съ этого указа сохранилось двѣ копіи: одна, писанная повидимому, рукою писаря; другая — рукою самого Крылова.

[2]) Къ этой бумагѣ приложены грамота и квитанція изъ капитула.

тому баснописцу Крылову 4200 рублей для напечатанія трехъ первыхъ частей превосходныхъ и поучительныхъ, слѣдственно и полезныхъ его басенъ. Изъявляя высочайшее соизволеніе на выдачу сихъ денегъ изъ кабинета, ваше величество изволили при томъ примолвить: «что Вы всегда готовы Крылову вспомоществовать, если онъ только будетъ продолжать хорошо писать». Съ того времени г. Крыловъ сочинилъ еще три части и издалъ ихъ вмѣстѣ съ первыми, не дерзая утруждать ваше императорское величество о высочайшемъ пособіи; хотя впрочемъ, какъ мнѣ то извѣстно, все его богатство состоитъ въ жалованіи по императорской публичной библіотекѣ и во всемилостивѣйше ему данномъ пенсіонѣ, что все вмѣстѣ составляетъ 4200 рублей въ годъ. Нынѣ г. Крыловъ, оправясь съ трудомъ отъ жестокаго и нечаяннаго болѣзненнаго припадка, счастливымъ поэтическимъ вдохновеніемъ написалъ еще седьмую часть басенъ, состоящую слишкомъ въ двадцати басняхъ, превосходнѣйшаго содержанія и слога. Для напечатанія вновь всѣхъ уже семи частей, съ нѣкоторыми исправленіями, нужно ему теперь денежное пособіе, состоящее, по самымъ умѣреннымъ цѣнамъ, въ десяти тысячахъ рублей, или онъ долженъ быть жертвою разсчетливыхъ книгопродавцевъ. Въ семъ затруднительномъ для него положеніи, онъ дерзаетъ, посредствомъ моимъ, всеподданнѣйше прибѣгнуть къ щедротѣ вашего императорскаго величества.

Всемилостивѣйшій государь! Я бы никакъ не осмѣлился утруждать ваше величество подобною просьбою, еслибъ не имѣлъ еще въ памяти царскаго вашего изрѣченія въ подобномъ случаѣ, и еслибъ г. Крыловъ, сверхъ отличнаго своего таланта, не былъ всегда твердъ въ образѣ своихъ мыслей о необходимости и пользѣ чистой нравственности и отвращенія его отъ вольнодумства, что доказывается всѣми его баснями и негодованіемъ, за то ему изъявленнымъ, въ недавнемъ времени Парижскимъ Журналомъ [1]).

Всемилостивѣйшій государь! Если сія всеподданнѣйшая и моя просьба въ пользу отличнаго таланта удостоится благотворнаго вашего величества вниманія, то не благоугодно ли будетъ сію мою всеподданнѣйшую записку утвердить, дабы я могъ посредствомъ сего повелѣнія истребовать означенную сумму для г. Крылова изъ кабинета вашего императорскаго величества.

«На подлинной собственною его императорскаго величества рукою написано тако: «*Истребовать изъ кабинета десять тысячь рублей для врученія г-ну Крылову*». Царское село, 4-го маія 1824 года.

Отъ Н. Новосильцева, С.-Петербургъ, 1826 г. 21-го апрѣля.

М. г. мой, Иванъ Андреевичъ. Государыня императрица въ знакъ все-

---

[1]) Здѣсь Оленинъ упоминаетъ о статьѣ Бауръ-Лорміана, появившейся 2-го января 1824 г. (См. рѣчь академика Бычкова, произнесенную на столѣтнемъ юбилеѣ Крылова).

милостивѣйшаго къ вамъ благоволѣнія и по случаю поднесеннаго ея императорскому величеству отъ васъ экземпляра новаго изданія басенъ, вами сочиненныхъ, пожаловать вамъ соизволила бриллiантовый перстень, который у сего къ вамъ, м. г. мой, препровождая, покорно прошу о полученіи онаго меня увѣдомить. Пребывая съ истиннымъ почтеніемъ *и проч.* Николай Новосильцевъ.

Въ 1831 году императоръ Николай выразилъ свое особенное благоволеніе къ баснописцу, подаривъ Наслѣднику Цесаревичу его бюстъ. Объ этомъ сообщено было въ *Сѣверной Пчелѣ*: «Что, подумайте, подарилъ Государь Своему сыну на новый годъ? Бюстъ баснописца Крылова. Въ этомъ подаркѣ заключается много: и признаніе величія поэта, и знакъ любви государя къ русской поэзіи и наставленіе юному князю». (1831 года, № 98).

Отношеніе Оленина — имп. публ. библ. г-ну библіотекарю статскому совѣтнику Крылову [1]). 1834 г., 9 марта.

Сей часъ я получилъ отъ г. управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія [2]) предписаніе, отъ 9-го сего марта мѣсяца, № 368 слѣдующаго содержанія:

«По всеподданнѣйшему докладу моему, Государь Императоръ, во уваженіе заслугъ, оказанныхъ отечественной словесности отличнымъ литераторомъ нашимъ библіотекаремъ императорской публичной библіотеки, статскимъ совѣтникомъ Крыловымъ, въ 26-й день минувшаго февраля всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ: производить ему сверхъ получаемыхъ окладовъ добавочныхъ по три тысячи рублей въ годъ изъ суммъ государственнаго казначейства.

«О таковомъ всемилостивѣйшемъ пожалованіи ст. сов. Крылову добавочнаго жалованія увѣдомляя ваше высокопревосходительство, имѣю честь присовокупить, что отъ г. министра финансовъ сдѣлано уже надлежащее по сему предписаніе».

Поспѣшая увѣдомить васъ, м. г., о сей новой царской милости, я ласкаю себя надеждою, что сей знакъ особаго монаршаго къ вамъ благоволенія подкрѣпитъ ваши силы и воспламенитъ піитическій вашъ геній къ новымъ опытамъ на поприщѣ литературной европейской вашей славы.

Директоръ А. Оленинъ.

Отъ С. Уварова, 1834 г. 9-го марта.

М. г., Иванъ Андреевичъ. Съ особеннымъ удовольствіемъ имѣю честь васъ увѣдомить, что Государь Императоръ, обращая вниманіе на отлич-

---

[1]) Крыловъ произведенъ въ статскіе совѣтники по именному высочайшему указу 19-го декабря 1830 г., вслѣдствіе представленія Оленина (см. 1-е приложеніе къ ст. Я. К. Грота).

[2]) С. С. Уварова.

ныя услуги, оказанныя вами отечественной словесности, 26-го минувшаго февраля Высочайше повелѣть изволилъ: производить вамъ, сверхъ получаемыхъ вами окладовъ, по три тысячи рублей ежегодно изъ государственнаго казначейства.

Извѣщая васъ, м. г., о сей монаршей милости, я считаю пріятнѣйшимъ долгомъ васъ съ оной поздравить и увѣрить въ совершенномъ почтеніи *и проч.* Сергій Уваровъ.

Отъ Уварова, 1834 г. 11-го апрѣля.

М. г., Иванъ Андреевичъ. Государь Императоръ, принявъ благосклонно вновь написанныя вами три басни [1]), повелѣть соизволилъ изъявить вамъ за поднесеніе оныхъ высочайшую свою признательность.

Сообщая о семъ вамъ, м. г., имѣю честь быть *и проч.* Сергій Уваровъ.

Отношеніе Оленина къ Крылову, 1836 г. 17-го сентября.

Департаментъ народнаго просвѣщенія при сообщеніи мнѣ, отъ 5-го сего сентября за № 9388, о доставленіи ему для объясненія въ составленномъ для государственнаго контроля отчетѣ о суммахъ императорской публичной библіотеки за 1835 годъ дополнительныхъ свѣдѣній проситъ доставить и слѣдующее:

По какой причинѣ не видно въ приходѣ по отчету и шнуровой книгѣ библіотеки 2940 руб., назначенныхъ по высочайше утвержденной росписи расходамъ по министерству народнаго просвѣщенія на 1835 годъ къ отпуску изъ главнаго казначейства, на основаніи высочайшаго повелѣнія 26-го февраля 1834 года, въ жалованіе вамъ, и если вы сами получаете сію сумму изъ казначейства, то департаментъ проситъ впредь принимать оныя деньги въ библіотеку для выдачи вамъ.

По сему даю вамъ знать, что съ будущаго 1837 года всемилостивѣйше пожалованное вамъ добавочное жалованіе, по высочайшему указу 26-го февраля 1834 года, будетъ требуемо изъ главнаго казначейства въ библіотеку въ началѣ каждой трети года вмѣстѣ съ штатными суммами сія и съ сего времени будете получать оное уже изъ библіотеки, а не прямо изъ казначейства.

Имп. публ. библіотеки директоръ, А. Оленинъ.

V.

Пятидесятилѣтній юбилей Крылова.

По разсказу покойнаго Греча, Крыловъ въ одномъ обществѣ, гдѣ было нѣсколько литераторовъ, проговорился, что въ 1838 году совер-

[1]) По нашему соображенію, эти три басни, представленныя Государю въ началѣ 1834 года, могли быть: *Разбойникъ и Извощикъ*, *Левъ и Мышь* и *Два мальчика*. (См. *Примѣчанія* стр. 234—242).

шится ровно пятьдесятъ лѣтъ со времени появленія въ печати перваго его сочиненія [1]). Это обстоятельство подало мысль отпраздновать его юбилей, на что немедленно было испрошено министромъ народнаго просвѣщенія, Уваровымъ, разрѣшеніе Государя Императора, который пожаловалъ въ этотъ день баснописцу орденъ св. Станислава 2-й ст. со звѣздою и удостоилъ его высочайшаго рескрипта. Этотъ рескриптъ напечатанъ вполнѣ въ статьѣ Плетнева (стр. LXXVI), а подлинникъ его, какъ святыня, хранится въ семействѣ К. С. Савельева. Къ празднованію юбилея относится нѣсколько нелишенныхъ интереса писемъ [2]), которыя здѣсь предлагаемъ.

---

[1]) Въ этомъ случаѣ Крыловъ ошибся: первое произведеніе его, которое было напечатано, пяти-актная трагедія *Филомела*, была написана имъ въ 1786 г.; если же онъ почиталъ началомъ своей литературной дѣятельности участіе въ *Почтѣ Духовъ*, то 50-тилѣтній юбилей надлежало праздновать въ 1839 году.

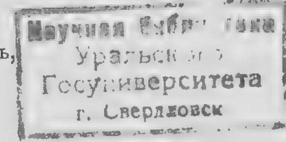
[2]) Рѣчи, произнесенныя на юбилейномъ обѣдѣ, а равно два стихотворенія, написанныя къ этому дню (кн. Вяземскаго и Бенедиктова) помѣщены въ статьѣ Плетнева и въ брошюрѣ подъ заглавіемъ: *Привѣтствія, говоренныя Ивану Андреевичу Крылову въ день его рожденія и совершившагося 50-тилѣтія его литературной дѣятельности, на обѣдѣ 2-го февраля 1838 г. въ залѣ благороднаго собранія. С.-Петербургъ, въ Гуттенберговой типографіи, 1838.* Но сюда не вошло стихотвореніе Е. Гребенки, написанное уже послѣ юбилея и появившееся въ *Литературныхъ прибавл. къ Русск. Инв.* 12-го февраля (№ 7), подъ заглавіемъ:

Лавровый листокъ.

Пиръ волшебными огнями
Разливался и горѣлъ,
Стройно-звучными стихами
Хоръ пѣвцовъ веселый пѣлъ.
Мы гуляли именины
Басни русскія творца,
Отъ временъ Екатерины
Къ намъ дошедшаго пѣвца.
Всѣ мы шумно пировали
На волшебномъ пирѣ томъ,
И поэта увѣнчали
Свѣжимъ лавровымъ листомъ.

* * *

Какъ онъ былъ великъ, прекрасенъ,
Въ этотъ мигъ сѣдой пѣвецъ!
Неподкупенъ и согласенъ
Былъ восторгъ къ нему сердецъ.
Мы смотрѣли съ умиленіемъ
На поэта-старика;
Жрецъ прекрасный вдохновенья,

Отъ Оленина, 1838 г. 1-го февраля.

М. Г. Иванъ Андреевичъ. Завтра минетъ день рожденія вашего и пятидесятилѣтнихъ занятій и успѣховъ вашихъ на поприщѣ русской словесности.

Нравоучительныя и между тѣмъ пріятныя ваши творенія для всѣхъ возрастовъ составили неколебимую вашу славу — и славу Россіи.

Сіи обстоятельства побудили общество литераторовъ, художниковъ и любителей русской словесности праздновать сей памятный день веселою бесѣдою и пиршествомъ. Въ качествѣ предсѣдателя сего общества, вновь и на этотъ только случай составленнаго, я приглашаю васъ, м. г., украсить сіе пиршество вашимъ присутствіемъ. Завтра около пятаго часа полудни къ вамъ явятся два члена распорядителя изъ среды сего общества, чтобъ имѣть честь и удовольствіе васъ сопровождать до мѣста, назначеннаго къ сему празднеству. Общество надѣется, что вы не отринете усердную его просьбу.

Имѣю честь быть *и проч.* Алексѣй Оленинъ.

P. S. Гражданскіе чиновники приглашаются къ сему празднеству въ вицъ-мундирахъ.

Заключительная рѣчь Оленина на обѣдѣ.

Въ заключеніе сего празднества въ честь И. А. Крылова, предлагается гг. участвующимъ въ пиршествѣ (и всѣмъ кто пожелаетъ быть соучастникомъ въ томъ же предначѣреніи) выбить въ память сего событія медаль, съ изображеніемъ съ одной стороны профильнаго портрета И. А. Крылова, а съ другой приличной къ сему надписи.

Каждый изъ гг. соучаствующихъ денежнымъ пожертвованіемъ въ исполненіе сего предложенія благоволитъ на предлагаемыхъ печатныхъ листахъ вписать свое имя и фамилію съ означеніемъ количества жертвуемой имъ суммы [1]).

Онъ намъ далъ благословенье:
Листъ лавровый отъ вѣнка.

* *
*

Этотъ чистый даръ поэта
Я умѣю оцѣнить;
Въ треволненьяхъ, въ бурѣ свѣта,
Стану я его хранить;
А о праздникѣ народномъ,
Безкористномъ, благородномъ
Позднимъ внукамъ разскажу
И листокъ вѣнка Крылова
Для потомка молодова
Какъ святыню покажу.

[1]) Изъ брошюры: *Привѣтствія говоренныя И. А. Крылову* и проч. 1838 г.

Отъ Н. И. Греча. 1838 г. 2-го февраля.

Почтеннѣйшій Иванъ Андреевичъ. Разстройство здоровья, причиненное жестокимъ огорченіемъ, лишаетъ меня удовольствія быть сегодня на обѣдѣ, который даютъ вамъ ваши благодарные читатели. Это мнѣ до крайности досадно. Но чтобы облегчить и физическое и душевное страданіе, рѣшился я хоть на бумагѣ принесть вамъ искреннее поздравленіе съ празднествомъ, котораго (sic) писатели рѣдко доживаютъ, а еще рѣже заслуживаютъ. Желаю вамъ, для васъ и для любящей васъ Россіи, еще много счастливыхъ, спокойныхъ, здоровыхъ и пріятныхъ лѣтъ наслажденія и праведно пріобрѣтенною славою и нелицемѣрною къ вамъ любовью тѣхъ, кто васъ читаетъ, и болѣе еще тѣхъ, которые знаютъ и уважаютъ васъ лично [1]).

Примите сей скудный, но усердный даръ отъ вашего всепокорнѣйшаго Николая Греча.

Письмо безъ подписи[2]), безъ означенія числа, писанное на большомъ листѣ женскою рукою:

Вашею поэтическою милостію

мы Левъ, царь звѣрей, и прочіе звѣри лѣсные и скоты домашніе; и мы Орелъ, царь птицъ, и прочія птицы всякаго рода, роста и свойства.

Узнавъ, что нынѣ другими животными (т. е. людьми) празднуется въ 69-й разъ счастливый для нихъ и для насъ день вашего рожденія, хотимъ участвовать въ семъ (или въ *этомъ)* торжествѣ (только не на кухнѣ и не на столѣ въ видѣ жертвъ), и для того избрали, уполномочили и ак-

---

[1]) То обстоятельство, что Гречъ не участвовалъ въ обѣдѣ, возбудило различные толки, такъ что онъ вынужденъ былъ оправдаться въ *Сѣверной Пчелѣ* (№ 32); это оправданіе вызвало слѣдующее *объясненіе* со стороны учредителей празднества, которое было напечатано въ *Литературныхъ прибавленіяхъ къ Русск. Инв.* (№ 7): «Для устраненія отъ себя нареканій въ произвольной раздачѣ билетовъ на обѣдъ, данный 2-го февраля въ честь И. А. Крылова, или въ умышленномъ исключеніи изъ этого празднества кого либо изъ литераторовъ, желавшихъ въ немъ участвовать, учредители его просили насъ дать слѣдующее поясненіе на поясненіе г. Греча, напечатанное въ *Сѣв. Пчелѣ* (№ 32): «За нѣсколько дней до праздника и тотчасъ по составленіи подписныхъ листовъ для внесенія именъ желавшихъ въ немъ участвовать, учредители сообщили при письмѣ одного изъ нихъ таковый листъ г. Гречу съ 30 билетами, предоставляя ихъ въ его распоряженіе. Г. Гречъ возвратилъ немедленно списокъ и 30 билетовъ при письмѣ, въ которомъ изъявлялъ, что не имѣетъ случая раздать билеты и, находясь въ невозможности участвовать въ празднествѣ, онъ препровождаетъ обратно и листъ и билеты. Письмо сіе отъ 29-го января, а обѣдъ данъ былъ 2-го февраля. Въ тоже время разосланы были подписные листы ко всѣмъ литераторамъ, находящимся въ Петербургѣ»...

[2]) Всѣ наши усилія узнать, кто авторъ этого письма, остались тщетны; одно только узнали мы навѣрное, что оно вышло не изъ семейства А. Н. Оленина.

редитовали нашего любезно вѣрнаго товарища, Пса Медорку, который, не смотря на вашу басню о собачьей дружбѣ, взялся увѣрить васъ въ нашей.

Просимъ принять отъ него наши усердныя поздравленія и столь же усердную благодарность за то, что на пути къ безсмертію вы разсудили за благо взять насъ съ собою. Если когда нибудь, благодаря постепенному усовершенствованію всего въ мірѣ, и нашъ міръ звѣрный и птичій преобразится и получитъ способности, которыя онъ имѣлъ доселѣ только въ вашихъ поэтическихъ видѣніяхъ, то и мы устроимъ для васъ свой особенный праздникъ, безъ кровопролитія, и слѣдственно, безъ обѣда; но на семъ праздникѣ избранные умнѣйшіе звѣри будутъ говорить съ вами и между собою если не такими стихами, какъ ваши, то покрайней мѣрѣ хорошими, разсказывая, какъ ваши нравоученія исправили, улучшили ихъ нравы; между тѣмъ на хорахъ изъ вѣтвей соловьи, въ свою очередь будутъ воспѣвать своего любимаго пѣвца, а ословъ (и это всего труднѣе) мы заставимъ молчать.

Левъ	Орелъ
за себя и прочихъ звѣрей и скотовъ.	за себя и прочихъ птицъ.

Отъ В. Григоровича, 1838 г., 3-го февраля.

М. г. Иванъ Андреевичъ. Если бы вы были свидѣтелемъ того умиленія, тѣхъ слезъ дѣтей моихъ, которыя были слѣдствіемъ разсказа моего о вчерашнемъ торжествѣ вашемъ и общемъ всѣхъ любителей изящнаго о славѣ и заслугахъ вашихъ; если бы вы видѣли радость, изображавшуюся на лицахъ дѣтей моихъ, когда я вручилъ имъ на память лавровые листочки, можетъ быть, неловко у васъ выпрошенные; если бы вы слышали, съ какимъ восторгомъ 10-лѣтній сынъ мой произнесъ, что и онъ постарается пріобрѣсть славу, — то, безъ сомнѣнія, вы убѣдились бы, что нескромное, можетъ быть, желаніе мое имѣть нѣсколько этихъ листочковъ произошло единственно отъ глубокаго къ вамъ уваженія.

Скажу вамъ отъ сердца (а я иначе никогда еще не говорилъ и говорить не умѣю), что уваженіе многихъ, очень многихъ должно быть для васъ пріятнѣе; но ни чье уваженіе не можетъ быть ни полнѣе, ни чистосердечнѣе моего, ибо, если я сознаю въ себѣ какое достоинство, то единственно одно, не отъ меня зависящее: я чувствую и всей душею люблю все прекрасное и высокое.

Вчера я былъ счастливъ именно по этой причинѣ и потому, что увѣнчанъ достойный! Дай Богъ, чтобъ вы жили очень, очень долго и чтобы я могъ когда нибудь увѣрить васъ въ моемъ уваженіи, преданности, любви и удивленіи, которыми преисполненъ къ вамъ съ самого моего младенчества.

Имѣю честь быть, м. г., вашимъ покорнѣйшимъ слугою

Василій Григоровичъ.

Отъ И. Лажечникова, 1838 г. 10-го февраля [1].

М. г. Иванъ Андреевичъ. Благодаря стастливому случаю, я имѣлъ честь получить листокъ изъ лаврова вѣнка, которымъ вся Русь, въ лицѣ ей Государя и представителей всего высокова и прекраснова въ столицѣ, почтила васъ, знаменитова своево народнова поэта. Въ нынѣшнее торжество ваше она собрала въ одинъ вѣнокъ то, что вы разсыпали по ней всей, по всѣмъ намъ — ваше же вамъ возвращаетъ съ прибавкою только достойнова изъясненія общей нашей признательности и восторга. Лавровый листокъ вашъ послужитъ намъ живымъ, бесцѣннымъ выраженіемъ тово, чѣмъ вы ужъ насъ прежде надѣлили — участкомъ вашей славы. Дорого цѣню вашъ даръ, и сто разъ, изъ глубины моей души, благодарю за нево.

Съ раннихъ лѣтъ поклонникъ вашева генія, а нынѣ за счастіе почитаю изъяснить вамъ это вмѣстѣ съ чувствомъ глубокова уваженія и совершенной преданности, съ коими имѣю честь быть, м. г., вашимъ покорнѣйшимъ слугою Иванъ Лажечниковъ.

Отъ Жуковскаго (безъ означенія числа).

Великая княгиня Марія Николаевна хочетъ, чтобы ты написалъ *себя* въ своемъ кабинетѣ въ томъ благолѣпномъ видѣ, въ какомъ одна только муза тебя видитъ, то есть въ шлафрокѣ, и чтобъ кабинетъ былъ точно такимъ представленъ, каковъ онъ бываетъ ежедневно. Жуковскій.

Отъ Оленина, 1838 г. 15-го февраля.

Вотъ молодой нашъ художникъ, академикъ 1-й степени Ухтомскій, которому г. министръ нар. просв. С. С. Уваровъ поручилъ списать кабинетъ или гостиную Ивана Андреевича Крылова. Прошу допустить художника до исполненія даннаго ему порученія. Всего бы лучше снять видъ той комнаты, гдѣ онъ трудился надъ своими баснями [2]). А. Оленинъ.

(*Приписка сбоку*): Можно И. А. представить пишущаго за столикомъ во время поэтическаго вдохновенія?

Отъ Загоскина, 1838 г. 23-го февраля.

Любезнѣйшій и почтеннѣйшій Иванъ Андреевичъ. Не знаю, слышали ли вы въ Петербургѣ, какъ я закричалъ въ Москвѣ «ура»! когда про-

---

[1]) Съ сохраненіемъ ороографіи.

[2]) Желаніе великой княгини было исполнено. Картина, представляющая кабинетъ Крылова, находится во дворцѣ ея высочества. Кстати замѣтимъ, что у покойнаго И. П. Вольскаго мы видѣли картину его собственной работы, изображающую комнату въ Пріютинѣ надъ банею, гдѣ лѣтомъ живали Крыловъ и Гнѣдичъ, когда посѣщали своего патрона. Въ этой комнатѣ, по разсказу И. П. Вольскаго (проведшаго свою юность въ домѣ Оленина), оба они писали очень много. (См. примѣч. къ баснѣ *Водолазы*). Было бы очень желательно, чтобы лица, которыя остались наслѣдниками И. П., предали извѣстности эту картину.

челъ письмо пріятеля моего Аверкіева, въ которомъ онъ увѣдомляетъ меня о вашемъ торжествѣ. Слава Богу! Наконецъ мы дожили до того, что смѣемъ называть свои великіе таланты великими, и предъ лицемъ всей Европы подносить имъ лавровые вѣнки — а что всего лучше, не говоримъ: «нашъ русскій Лафонтенъ», а просто: «нашъ Крыловъ». Поздравляю васъ, мой милый, добрый и почтенный Иванъ Андреевичъ, и отъ всей души благодарю за присланный лавровый листокъ — онъ перейдетъ въ наслѣдство къ моимъ дѣтямъ.

Я отдалъ въ цензуру новый романъ мой. Если не будетъ какихъ либо неожиданныхъ затрудненій, то я надѣюсь, что вы скоро его прочтете, или по крайней мѣрѣ будете имѣть въ рукахъ. Прощайте, будьте здоровы и любите вашего бывшаго сослуживца, который самъ безъ памяти васъ любитъ, — и потому — что вы Иванъ Андреевичъ Крыловъ, добрѣйшій и любезнѣйшій изъ людей, и потому — что этотъ Иванъ Андреевичъ честь и слава матушки святой Руси, которую Загоскинъ любитъ болѣе всего на свѣтѣ.

Обнимаю васъ съ чувствомъ самой искренней дружбы не одинъ, а тысячи разъ, вашъ М. Загоскинъ [1]).

Отъ А. Бутакова, Николаевъ, 1838 г. 23-го февраля.

М. г. Иванъ Андреевичъ. Прочитавъ въ *Инвалидѣ* [2]) о бывшемъ праздненствѣ вашему пятидесятилѣтію, я въ ту минуту мыслью былъ съ вами, душевно радовался съ нѣсколькими выкатившимися отъ умиленія слезами, поздравлялъ васъ истинно отъ чистаго моего сердца и желалъ вамъ всѣхъ благъ земныхъ. По привычкѣ давней почитать и любить васъ, я иначе не могъ сдѣлать. Примите это изъявленіе моихъ чувствъ на бумагѣ съ тою благосклонностію, какъ вы удостоивали меня лично. Я не имѣлъ счастія писать къ вамъ; и теперь обременяю васъ онымъ истинно по рвенію моихъ чувствъ, происходящихъ отъ истиннаго моего всегдашняго почитанія и преданности. Къ статѣ сказать, я былъ лично слушателемъ вашей басни *Демьянова уха*, въ домѣ г. Державина. Это моя эпоха, съ которой я [3])..... (выражаясь по-морски) къ вамъ моимъ почитаніемъ и любовью, которыя останутся со мною до гроба.

Сказать вамъ о себѣ, я, слава Богу, чувствую себя въ Николаевѣ

---

[1]) Мы слышали за достовѣрное, что у сыновей почтеннаго романиста хранится коллекція писемъ, писанныхъ къ нему Крыловымъ по выходѣ его изъ публичной библіотеки. Если это справедливо, то опубликованіе этихъ писемъ тѣмъ болѣе желательно, что, какъ извѣстно, Крыловъ во всю жизнь неохотно принимался писать и никогда не велъ постоянной переписки.

[2]) Мы опустили газетные отчеты объ юбилеѣ Крылова, потому что онъ описанъ и у Плетнева и у Лобанова съ большими подробностями.

[3]) Этого слова въ письмѣ нельзя разобрать; надо полагать, что это синонимъ *прильпился*.

лучше отъ моихъ недуговъ, счастливъ въ кругу своего семейства, хорошо обласканъ многими, и слава Богу!

Поручая себя продолженію вашего добраго расположенія, съ истиннымъ почитаніемъ и преданностію пребуду, покорнѣйшій слуга

Александръ Бутаковъ.

Отъ С. И. Карпова, Ардатовъ, 1838 г. 24-го февраля.

(*Эпиграфъ*): Мудрецъ игривый и глубокій,
И дочкамъ онъ давалъ уроки,
И батюшекъ училъ шутя.

* *
*

Длись счастливою судьбою
Нить любезныхъ намъ годовъ! (*Изъ ст. кн. Вяземскаго.*)

М. г. Иванъ Андреевичъ. 32 № *Сѣверной Пчелы* и московскихъ газетъ и насъ, сельскихъ жителей, провели въ умиленіе. Мы съ восторгомъ читали и перечитывали описаніе торжества 2-го февраля, которымъ праздновался знаменитый день рожденія чуднаго старца. Вы, м. г., вполнѣ заслужили и милость царскую и ту почесть, которой просвѣщенные любители изящнаго наградили долговременный подвигъ вашъ на славу русской литературы. Князь Петръ Андреевичъ въ прекрасныхъ стихахъ своихъ превосходно изобразилъ услугу, оказанную вами и современникамъ и потомству; послѣ него никакія уже выраженія быть не могутъ, и какъ намъ, такъ и дѣтямъ нашимъ остается только повторять эти достопамятные стихи и вытвердить ихъ наизусть. Простите моей дерзости, что я, не имѣя счастія лично быть вамъ знакомымъ, осмѣлился выразить чувства, меня одушевляющія, симъ письмомъ; по крайней мѣрѣ дерзость эта будетъ доказательствомъ, что великое и прекрасное, какъ въ центрѣ просвѣщенія, такъ и въ отдаленныхъ степяхъ имѣетъ одинаковую силу — двигать сердца и заставлять иногда забывать законъ свѣтскаго приличія; а потому и смѣю надѣяться, что вы мнѣ простите мое искреннее чувство, которое какъ бы невольно вылилось на бумагу.

Примите увѣреніе въ томъ глубочайшемъ почтеніи къ генію и особѣ вашей, съ коимъ за особенную честь поставляю называться, м. г., вашимъ покорнѣйшимъ слугою Семенъ Ив. Карповъ.

Отъ С.-Петербургскаго Дворянскаго Собранія, 1838 г. февраля (копія).

1838 г. 2-го числа сего февраля въ домѣ ст. петербургскаго дворянскаго собранія происходило празднованіе дня рожденія и совершившагося пятидесятилѣтія литературной дѣятельности Ивана Андреевича Крылова.

Мы, директоры и постоянные члены, въ ознаменованіе столь достопамятнаго въ домѣ нашего собранія совершившагося событія, желая сохранить отнынѣ на всегда присутствіе среди насъ почтеннаго литератора, которымъ Русскіе не престанутъ гордиться, единогласно положили: избрать Ивана Андреевича Крылова непремѣннымъ почетнымъ членомъ

с.-петербургскаго дворянскаго собранія и поднести ему на сіе званіе билетъ чрезъ директоровъ. — Слѣдуетъ 76 подписей.

Письмо, 1838 года, 2-го мая (подписи разобрать невозможно).

Извѣщаю васъ, почтеннѣйшій Иванъ Андреевичъ, что на другой день, какъ вы у меня были, т. е. 27-го апрѣля, фарфоровая чашка съ крышкою, покрытой кобольтомъ съ живописью въ клеймахъ, внесена въ комнаты Государыни Императрицы, въ чемъ имѣетъ у насъ росписку камеръ-лакей Константинъ Уреценко. Всего лучше вамъ отнестись о полученіи упомянутой чашки къ А. И. Блоку. [1]).

Отъ Гр. Канкрина, 1838 г. 29-го іюня.

М. г., Иванъ Андреевичъ. Съ душевнымъ удовольствіемъ препровождаю къ вамъ, м. г., золотую медаль съ портретомъ вашимъ, по Высочайшему повелѣнію на день празднованія пятидесятилѣтія литературнаго вашего поприща вычеканенную, присовокупляя искреннее мое желаніе, чтобы ваши труды надолго еще обогощали нашу словесность и служили къ пользѣ и удовольствію вашихъ соотечественниковъ.

Съ совершеннымъ почтеніемъ *и проч.* Гр. Канкринъ.

Отъ Гр. Канкрина, 1838 г. 30-го августа.

М. г., Иванъ Андреевичъ. Сверхъ доставленной уже вамъ золотой медали, установленной съ Высочайшаго Его Императорскаго Величества соизволенія, въ честь заслугъ, оказанныхъ вами россійской словесности и въ воспоминаніе 50-лѣтія, совершеннаго вами на семъ поприщѣ, Государю Императору, согласно всеподданнѣйшему моему докладу, благоугодно было назначить вамъ еще десять бронзовыхъ медалей, для врученія ихъ друзьямъ вашимъ.

Поспѣшая съ особеннымъ удовольствіемъ исполнить сію Высочайшую волю, я имѣю честь препроводить къ вамъ означенныя десять бронзовыхъ медалей для удовлетворенія желанія друзей и почитателей вашихъ [2]).

Съ отличнымъ почтеніемъ *и проч.* Гр. Канкринъ.

---

[1]) Императрица Александра Өеодоровна, какъ разсказываютъ, подарила однажды Крылову чашку, а потомъ вспомнивъ, что эта чашка была ей подарена императрицею Маріею Өеодоровною, приказала потребовать ее назадъ. Когда приказаніе было сообщено Крылову, то онъ отвѣчалъ: «Доложите Государынѣ, что потому я и не отдамъ чашки, что она принадлежала покойницѣ». Отвѣтъ былъ переданъ Императрицѣ, которая сказала: «Что дѣлать со старикомъ? Пусть она у него останется». (Сообщено А. В. Никитенкою). По всей вѣроятности въ настоящемъ письмѣ рѣчь идетъ именно объ этой чашкѣ.

[2]) Въ ноябрѣ 1838 г. Крыловъ, согласно его желанію, получилъ отъ директ. департ. горныхъ и соляныхъ дѣлъ списокъ лицъ и мѣстъ, которымъ, по распоряженію Государя, доставлены были медали. Изъ этого списка видно, что золотыхъ медалей было отчеканено 35, серебряныхъ 20 и бронзовыхъ 60.

Отъ Загоскина (безъ означенія числа).

Почтеннѣйшій и любезнѣйшій Иванъ Андреевичъ, благодарю васъ отъ всей души за медаль, которую, еслибы можно, я сталъ носить на шеѣ. Я удивляюсь, что не получили *Искусителя*. Я отправилъ его вмѣстѣ съ другими экземплярами къ Сенковскому съ просьбою о доставленіи вамъ. — Прощайте, мой милый, любезный и искренно уважаемый сослуживецъ. Любите и не забывайте меня. Вашъ М. Загоскинъ.

P. S. Я теперь пишу кой-что, гдѣ идетъ рѣчь и объ васъ.

Записка Гр. Канкрина, 1838 г. 5 ноября.

Министръ финансовъ, свидѣтельствуя совершенное почтеніе его высокородію Ивану Андреевичу, имѣетъ честь препроводить при семъ частнымъ образомъ копію съ Высочайше утвержденной въ 7 день октября сего года записки о стипендіи, въ честь его имени учрежденной.

Записка Гр. Канкрина, представленная Государю Императору, 1838 года 7-го октября.

Вашему Императорскому Величеству министръ финансовъ имѣлъ уже счастіе всеподданнѣйше донести, что для Крыловской стипендіи распоряженіями его составлена значительная сумма.

Она заключается въ слѣдующихъ статьяхъ:

a) На с.-петербургской биржѣ собрано чрезъ биржевой комитетъ	30500 р.
b) При откупныхъ торгахъ въ сенатѣ	13050 р.
c) Отъ чиновниковъ по министерству финансовъ изъ Москвы и разныхъ губерній получено	10223 р.
Итого собрано. . . .	53773 р.

Сколько собрано по министерству народнаго просвѣщенія и дѣйств. тайн. совѣтн. Оленинымъ, не извѣстно, и быть можетъ, что еще нѣкоторыя деньги поступятъ изъ губерній, почему можно полагать, что всей суммы соберется 60 т. руб.; въ случаѣ же надобности можно бы было сдѣлать потребное дополненіе изъ казны.

Для окончанія сего дѣла по части министерства финансовъ, за изготовленіемъ и разсылкою медалей въ честь Крылова, полагалось бы:

1) вышеозначенныя деньги передать министерству народнаго просвѣщенія съ тѣмъ, чтобы онѣ находились въ кредитныхъ установленіяхъ для приращенія процентами или же были употреблены на покупку россійскихъ фондовъ, въ каковомъ случаѣ можно получить нѣсколько высшій годовой доходъ;

2) дальнѣйшее распоряженіе объ употребленіи ежегоднаго дохода предоставить министру народнаго просвѣщенія съ тѣмъ, чтобы онъ на устройство сей фондаціи испросилъ Высочайшее утвержденіе.

Еслибы министръ финансовъ могъ себѣ позволить какое-либо о семъ дѣлѣ мнѣніе, то онъ думалъ бы учредить двѣ стипендіи, изъ коихъ по

каждой одинъ молодой человѣкъ былъ бы содержимъ въ С.-Петербургѣ въ гимназіи, а потомъ въ университетѣ подлежащее число лѣтъ, съ посвященіемъ его окончательно такому разряду наукъ, къ которому чувствуетъ онъ въ себѣ наиболѣе наклонности, кромѣ однако медицинскихъ, для коихъ есть особыя заведенія. При семъ предоставить Крылову, доколѣ онъ будетъ въ живыхъ, назначать тѣхъ молодыхъ людей подлежащихъ сословій, которымъ онъ самъ пожелаетъ оказать благодѣяніе: въ послѣдствіи же выборъ сей будетъ зависѣть отъ министерства народнаго просвѣщенія. Впрочемъ министръ финансовъ не можетъ скрыть желанія своего, чтобы министерство народнаго просвѣщенія въ семъ случаѣ давало нѣкоторое преимущество сыновьямъ чиновниковъ, долго по министерству финансовъ служившихъ, такъ какъ почти вся сумма собрана чрезъ оное.

Кромѣ того прилично было бы посовѣтоваться о ближайшемъ назначеніи вышеозначенной суммы съ самимъ знаменитымъ баснописцемъ.

Сумма 60000 рублей принесетъ въ годъ процентовъ по банковому размѣру до 2400 руб.; а если купить фонды, то, примѣрно по $4^{3}/_{4}$%, до 2850 р. въ годъ; слѣдовательно, достаточно для содержанія двухъ молодыхъ людей сперва въ гимназіи, по 800 руб., что и составитъ въ годъ 1600 р., а потомъ въ университетѣ 1200 р. или въ годъ 2400 руб., изъ коихъ послѣднія выдавать имъ самимъ, какъ при стипендіяхъ бываетъ. Остатки за тѣмъ отъ процентовъ нынѣшней суммы и отъ тѣхъ денегъ, которыя сверхъ 60000 руб. поступить могутъ, можно сберегать для единовременнаго пособія окончившимъ курсъ въ университетѣ и на чрезвычайные случаи, или же, буде можно, и для посылки отличнѣйшихъ въ чужіе краи для дальнѣйшаго усовершенствованія.

О передачѣ вышеозначенной собранной суммы и дополненіи оной, въ случаѣ надобности изъ казны, министръ финансовъ имѣетъ счастіе представить на утвержденіе Вашего Императорскаго Величества, всеподданнѣйше докладывая, что онъ не оставитъ сообщить копію съ сей записки министру народнаго просвѣщенія [1]).

(На подлинной собственною Его Императорскаго Величества рукою написано: *«исполнить»*. Царское Село, 7-го октября 1838 г.).

[1]) Изъ сохранившихся въ бумагахъ Крылова отношеній мин. нар. просвѣщ. С. С. Уварова, видно, что предположенія гр. Канкрина осуществились съ малымъ только измѣненіемъ относительно употребленія собранной суммы: за дополненіемъ изъ государственнаго казначейства составилась сумма въ 60000 р.; на получаемые съ нея проценты, 2850 р. положено воспитывать по одному ученику въ трехъ гимназіяхъ: Ларинской, 2-й и 3-й с.-петербургскихъ, съ тѣмъ, чтобы по окончаніи курса они поступали въ университетъ. Первые стипендіаты были избраны самимъ Крыловымъ: во 2-ю гимназію сынъ главной надзирательницы с.-петербургскаго воспитательнаго дома, Оомъ; въ 3-ю сынъ дворянина черниговской губерніи Кобеляцкій, а въ Ларинскую сынъ титул. сов. Мазуринъ.

VI.

Со времени послѣдней отставки до смерти.

Отношеніе министра народнаго просвѣщенія С. С. Уварова къ директору имп. публ. библіотеки Оленину, 1841 года, 17-го февраля [1]) (копія).

Государь императоръ, по всеподданнѣйшему докладу моему вслѣдствіе отношенія вашего выс—ва, отъ 29-го декабря минувшаго года въ 15-й день сего февраля высочайше повелѣть соизволилъ: библіотекарю имп. публичн. библіот. статск. сов. Крылову, по уваженію долговременной службы, преклонныхъ лѣтъ и разстроеннаго здоровья, а также отличныхъ заслугъ, оказанныхъ имъ отечественной словесности производить при отставкѣ въ пенсію изъ государственнаго казначейства, не въ примѣръ другимъ, полное содержаніе его по библіотекѣ, а именно, по 2486 р. 79 к. с. въ годъ, сверхъ пенсіи, получаемой имъ изъ кабинета его величества.

О таковой высочайшей милости сообщая вашему выс—ству для объявленія статск. сов. Крылову, покорнѣйше прошу сдѣлать распоряженіе объ увольненіи его отъ службы на законномъ основаніи и объ исполненіи сего увѣдомить меня для сношенія съ г. министромъ финансовъ о времени, съ котораго должно быть начато производство всемилостивѣйше пожалованной г. Крылову пенсіи.

Вмѣстѣ съ симъ обязываюсь покорнѣйше просить ваше выс—во озаботиться прінсканіемъ на открывающуюся вакансію способнаго и надежнаго чиновника, который бы вполнѣ могъ содѣйствовать устройству по части библіотеки, состоявшей въ завѣдываніи г. Крылова [2]).

Аттестатъ, данный Крылову при отставкѣ [3], 1841 г. 1-го марта.

Данъ сей изъ Императорской публичной библіотеки служившему въ оной библіотекаремъ статскому совѣтнику и кавалеру орденовъ: Св. Станислава 2 степени со звѣздою, св. Владиміра 3 и св. Анны 2 степени, имѣющему знакъ отличія безпорочной службы за XXX лѣтъ, Ивану Андрееву сыну Крылову изъ штабъ-офицерскихъ дѣтей, въ томъ, что онъ первоначально поступилъ на службу въ калязинскій уѣздный судъ 1781 года февраля 2; изъ онаго переведенъ былъ въ тверской губернскій магистратъ канцеляристомъ того же года декабря 4; по увольненіи изъ магистрата переведенъ тѣмъ же чиномъ въ с.-петербургскую казен-

---

[1]) Отвѣтъ по высочайшему повелѣнію на представленіе Оленина, (см. II-е приложеніе къ статьѣ Я. К. Грота).

[2]) Этою пенсіею Крыловъ сталъ пользоваться съ 1-го марта 1841 г., какъ видно изъ письма, адресованнаго къ нему Олениным̆ъ.

[3]) Мы рѣшились помѣстить его вполнѣ, потому что, сколько намъ извѣстно, формулярный списокъ его утраченъ и потому, что этотъ документъ заключаетъ въ себѣ исчисленіе всѣхъ главнѣйшихъ фактовъ, необходимыхъ для правильно составленной біографіи.

ную палату 1782 года генваря 10; въ оной произведенъ провинціальнымъ секретаремъ 1785 года апрѣля 6; изъ с.-петербургской казенной палаты по прошенію уволенъ и опредѣленъ въ кабинетъ Его Императорскаго Величества 1788 г. марта 11; изъ кабинета уволенъ за болѣзнію 1790 г. декабря 7. По указу правительствующаго сената опредѣленъ къ рижскому военному генералъ губернатору князю Голицыну секретаремъ 1801 г. октября 5; произведенъ въ губернскіе секретари 1802 г. декабря 31; уволенъ былъ для опредѣленія къ другимъ дѣламъ 1803 г. сентября 26; опредѣленъ въ монетный департаментъ 1808 г. октября 6; по именному Высочайшему указу пожалованъ въ титулярные совѣтники того же года декабря 31. Отъ монетнаго департамента по прошенію уволенъ 1810 г. сентября 30; опредѣленъ въ Императорскую публичную библіотеку помощникомъ библіотекаря 1812 г. генваря 7; Высочайшимъ указомъ, даннымъ кабинету Его Императорскаго Величества, повелѣно производить ему изъ кабинета въ пенсіонъ по 1500 руб. ассигнаціями въ годъ того же года февраля 10; по именному Высочайшему указу во уваженіе отличныхъ дарованій въ россійской словесности пожалованъ въ коллежскіе ассесоры 1814 г. августа 14; опредѣленъ библіотекаремъ 1816 г. марта 23; Всемилостивѣйше пожалованъ кавалеромъ ордена св. Владиміра 4 степени 1820 г. марта 27 и того же года, мѣсяца и числа Высочайшимъ указомъ, даннымъ кабинету Его Императорскаго Величества, повелѣно производить въ добавокъ къ пенсіону, получаемому имъ по указу 10 февраля 1812 года, еще по 1500 р. ассигнаціями въ годъ, съ которыми сей пенсіонъ составляетъ всего 3000 р. въ годъ ассигнаціями; произведенъ въ надворные совѣтники со старшинствомъ съ 1819 г. декабря 31. Всемилостивѣйше пожалованъ въ коллежскіе совѣтники со старшинствомъ съ 1825 г. декабря 31, кавалеромъ ордена св. Анны 2 степ. 1828 г. апрѣля 16, знакомъ отличія безпорочной службы за XX лѣтъ 1830 г. августа 22; по именному Высочайшему указу произведенъ въ статскіе совѣтники того же года декабря 19; во уваженіе заслугъ, оказанныхъ отечественной словесности Всемилостивѣйше повелѣно производить ему сверхъ получаемыхъ окладовъ, добавочныхъ по 3000 р. въ годъ ассигнаціями изъ государственнаго казначейства 1834 г. февраля 26; пожалованъ знакомъ отличія безпорочной службы за XXX лѣтъ 1834 г. августа 22; кавалеромъ ордена св. Владиміра 3 степени 1836 г. іюня 2; за отличные успѣхи и долговременные труды на поприщѣ отечественной словесности Всемилостивѣйше пожалованъ кавалеромъ ордена св. Станислава 2 степени со звѣздою 1838 г. февраля 2; пожалованъ знакомъ отличія безпорочной службы за XXXV лѣтъ 1839 г. августа 22. Нынѣ же по прошенію его уволенъ въ отставку; по вслѣдствіе всеподданнѣйшаго доклада господина министра народнаго просвѣщенія Высочайше повелѣно ему, Крылову, во уваженіе долговременной службы, преклонныхъ лѣтъ и раз-

строеннаго здоровья, а также отличныхъ заслугъ, оказанныхъ имъ отечественной словесности, производить при отставкѣ въ пенсію, изъ государственнаго казначейства, не въ примѣръ другимъ, полное содержаніе его по библіотекѣ, а именно 2,486 р. 79 коп. серебр. въ годъ, сверхъ пенсіи, получаемой имъ изъ кабинета Его Величества. Во время служенія его при библіотекѣ, возложенную на его должность при отлично-хорошемъ поведеніи, какъ надлежитъ честному и благородному чиновнику исправлялъ съ усердіемъ, дѣятельностію и знаніемъ дѣла; въ штрафахъ и подъ судомъ, равно въ походахъ не бывалъ; въ 1824 году былъ уволенъ въ г. Ревель на 28 дней и изъ отпуска явился на срокъ; въ отставкѣ съ награжденіемъ чина не былъ, но былъ нѣсколько разъ увольняемъ отъ службы по прошенію за болѣзнію и для опредѣленія къ другимъ дѣламъ, какъ о семъ выше показано въономъ. Отъ роду ему (какъ значится по формулярному его списку) 73 годъ. Холостъ. Православнаго вѣроисповѣданія. Въ удостовѣреніе всего вышеписаннаго о службѣ статскаго совѣтника Крылова, сей аттестатъ подписанъ мною съ приложеніемъ печати Императорской публичной библіотеки въ С.-Петербургѣ, марта 1 дня 1841 года.

Алексѣй Оленинъ.

Отъ президента Императорской академіи наукъ С. С. Уварова отношеніе. 1841 г. 25-го октября.

Государь императоръ по всеподданнѣйшему моему докладу въ 19-й день сего октября изволилъ всемилостивѣйше утвердить васъ, м. г., Императорской академіи наукъ ординарнымъ академикомъ по отдѣленію русскаго языка и словесности [1]).

Отъ графа Толстаго [2]), 1842 г. 18-го февраля.

М. г., Иванъ Андреевичъ. Великая княгиня Елена Павловна поручила предложить мнѣ отъ имени ея высочества вашему превосходительству принять участіе въ назначенномъ 24-го февраля маскарадѣ въ кадрилѣ знаменитыхъ поэтовъ въ костюмѣ русскаго боярина. Покорнѣйше прося васъ почтить меня отвѣтомъ [3]), съ истиннымъ почтеніемъ честь имѣю быть Гр. А. Толстой.

---

[1]) Къ отношенію приложено вновь изданное «Положеніе объ отдѣленіи русскаго языка и словесности при имп. акад. наукъ». Мы слышали, что императоръ Николай, подписывая упомянутое положеніе (въ Гатчинѣ 19-го октября 1841 г.), сказалъ министру: «Подписываю, но съ условіемъ, чтобъ Крыловъ былъ первымъ академикомъ». Преданіе вѣроятно, ибо не противорѣчитъ фактамъ.

[2]) Графъ Александръ Николаевичъ, гофмейстеръ двора ея высочества.

[3]) Каковъ былъ отвѣтъ Крылова, не знаемъ; на подлинномъ письмѣ его рукою помѣчено: «Имя и отечество и чинъ»? Объ участіи Крылова въ этомъ маскарадѣ мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній.

1843 года 28-го апрѣля.

Этимъ числомъ помѣченъ дипломъ, присланный Крылову копенгагенскимъ обществомъ сѣверныхъ древностей на званіе члена по русскому отдѣленію.

Отъ Философова, 1844 г. 5-го августа.

М. г., Иванъ Андреевичъ. Въ продолженіе всей святой недѣли вы не были у государыни императрицы. Ея величество сегодня изволили у меня спросить, не нездоровье ли ваше заставило васъ измѣнить старой вашей привычкѣ, и когда я отозвался незнаніемъ, государыня повелѣла мнѣ увѣдомить васъ, что отложенное вамъ яйцо ждетъ васъ съ перваго дня пасхи, что она желаетъ, чтобы вы за нимъ пріѣхали, естьли только силы ваши вамъ это дозволятъ.

Примите, м. г., Иванъ Андреевичъ, увѣреніе искреннято сердечнаго моего къ вамъ уваженія и неизцемѣрной преданности.

Алексѣй Философовъ.

Этимъ письмомъ оканчиваются наши матеріалы; намъ остается только присовокупить некрологи, которыми петербургскія газеты извѣстили Россію о кончинѣ чтимаго сю баснописца, послѣдовавшей 9-го ноября 1844 года въ исходѣ осьмаго часа утра.

Вѣдомости С.-П—ской городской полиціи № 249, пятница 10 ноября 1844.

Сейчасъ получили мы прискорбное извѣстіе, которое съ сердечнымъ участіемъ приметъ вся Россія: Крылова не стало, нашего «дѣдушки» Крылова, у котораго учились русскому языку два поколѣнія русскихъ писателей и который останется на всегда неподражаемымъ баснописцемъ и истинно народнымъ русскимъ писателемъ. Маститый старецъ скончался 9-го числа въ исходѣ 8-го часа утра послѣ четырехдневной болѣзни.

(Далѣе слѣдуетъ объявленіе о выносѣ тѣла).

Русскій Инвалидъ, № 255, суббота 11 ноября 1844.

Русская литература понесла новую, великую потерю. Старѣйшій между русскими литераторами, нашъ знаменитый баснописецъ, И. А. Крыловъ скончался вчера 9-го ноября въ исходѣ 8 часа утра послѣ четырехдневной болѣзни. Пятьдесятъ семь лѣтъ славилось имя Крылова во всѣхъ концахъ грамотной Руси; нѣсколько поколѣній воспиталось по его баснямъ, учась въ нихъ и языку, и добру, и мудрости житейской. Мы сами, дѣти наши сохранили въ душѣ своей образъ и имя Крылова вмѣстѣ съ первыми нѣжнѣйшими впечатлѣніями дѣтства, и этотъ образъ, это имя сопутствовали намъ во всѣхъ путяхъ нашей жизни — чистые, свѣтлые, безукоризненные. Восьмидесятилѣтній старецъ, сходя въ могилу, могъ вполнѣ насладиться рѣдкимъ для какой бы то ни было славы счастіемъ: онъ не пережилъ самаго себя! Послѣднія, недавнія его произведенія такъ же свѣжи, какъ и прежнія. Имя его, и въ послѣд-

нюю минуту его жизни было такъ же громко, произносилось съ тѣмъ же искреннимъ, глубокимъ уваженіемъ, какъ и въ эпоху наибольшей его литературной дѣятельности. Оно сдѣлалось въ полномъ смыслѣ народнымъ, потому что всякій русскій человѣкъ, сколько-нибудь грамотный, уже знаетъ это имя и любитъ его: вѣрная порука за безсмертіе!.. Если не ошибаемся, Крыловъ не оставилъ семейства; но мы всѣ—одна семья его; всѣ мы ученики его и воспитанники, должны собраться около его гроба и съ благоговѣніемъ проводить его до послѣдняго жилища. Выносъ тѣла И. А. Крылова назначенъ изъ церкви св. Исаакія Далматскаго (въ Адмиралтействѣ) 13-го ноября, въ понедѣльникъ въ 10 часовъ утра, а отпѣванія въ Александро-Невской лаврѣ, — тамъ, гдѣ покоятся уже литературныя славы наши: Ломоносовъ, Карамзинъ, Гнѣдичъ, бывшій столько лѣтъ другомъ Крылова... Приглашаемъ всѣхъ, кому дорога честь слова русскаго, принять участіе въ этомъ погребеніи, которое должно быть нашимъ общимъ народнымъ дѣломъ,—послѣднимъ торжественнымъ выраженіемъ благодарности и уваженія къ нашему мудрому наставнику, доброму, снисходительному цѣнителю трудовъ нашихъ, и честному, благородному человѣку во всѣхъ поступкахъ его частной и общественной жизни. А. Краевскій.

Сѣверная Пчела, № 258, суббота 11 ноября 1844.

9-го ноября въ исходѣ 8 часа по полуночи скончался послѣ четырехдневной болѣзни первый въ просвѣщенномъ мірѣ баснописецъ современной эпохи, старѣйшій и заслуженнѣйшій изъ русскихъ литераторовъ, Ив. А. Крыловъ, на 77-мъ году отъ рожденія (род. 2-го февраля 1768 г.). Теперь уже не осталось ни одного писателя вѣка Екатерины! Потеря горестная и незамѣнимая не только въ русской, но и во всемірной литературѣ! Покойный И. А. Крыловъ принадлежалъ къ тому малому числу геніяльныхъ мужей, которые своею славою озаряютъ эпоху своего существованія и, принадлежа всему человѣчеству, дѣлаютъ честь своей отчизнѣ. Въ самомъ скоромъ времени въ *Сѣв. Пчелѣ* будетъ помѣщено о жизни и литературныхъ трудахъ сего знаменитаго народнаго писателя. Въ послѣднія минуты жизни Иванъ Андреевичъ изъявилъ желаніе, чтобы всѣмъ помнящимъ о немъ было послано на память по экземпляру его басенъ. До сихъ поръ разослано уже до 800 экземпляровъ. Идея прекрасная, трогательная!

(Слѣдуетъ объявленіе о похоронахъ).

Сѣверная Пчела, № 260, вторникъ, 14-го ноября 1844.

13-го ноября происходилъ погребальный обрядъ знаменитаго народнаго писателя, Ивана Андреевича Крылова. Государю Императору, великодушному покровителю всѣхъ талантовъ, угодно было оказать послѣднее родительское попеченіе заслуженному мужу, неоставившему послѣ себя родственниковъ: Русскій Царь похоронилъ перваго русскаго

писателя. Къ выносу тѣла, въ десять часовъ утра, собрались въ Адмиралтейскую церковь св. Исаакія Далматскаго государственные сановники, ученые, литераторы, дамы, сколько могли вмѣститься въ церкви. Викарій здѣшней епархіи, преосвященный Іустинъ, совершилъ литію, а протоіерей Исакіевскаго Собора, Алексѣй Ивановичъ Маловъ, произнесъ краткую, но трогательную рѣчь. Гробъ вынесли изъ церкви и поставили на дроги Гг. военные генералы и первоклассные государственные чиновники, въ томъ числѣ генералъ отъ кавалеріи, генералъ-адъютантъ графъ Алексѣй Ѳедоровичъ Орловъ, генералъ отъ инфантеріи Иванъ Никитичъ Скобелевъ, генералъ-лейтенантъ А. Я. Ваксмутъ, генералъ-маіоръ и душеприкащикъ покойнаго И. А. Крылова, Яковъ Ивановичъ Ростовцовъ и другіе заслуженые и почтенные мужи. Будущее поколѣніе, знающее наизусть поучительные разсказы дѣдушки Крылова, студенты здѣшняго университета окружали гробъ, поддерживали балдахинъ и несли ордена. При сопровожденіи гроба въ Александро-Невскую лавру множество народа слѣдовало за печальною процессіею и встрѣчало ее на улицахъ. Отцы и матери провожали добродушнаго наставника своихъ дѣтей; дѣти оплакивали своего любимаго собесѣдника и учителя, весь народъ прощался съ *своимъ* писателемъ, равно для всѣхъ понятнымъ, занимательнымъ и поучительнымъ. Въ Лаврѣ, послѣ божественной литургіи, обрядъ отпѣванія совершалъ высокопреосвященный Антоній, митрополитъ новгородскій, с.-петербургскій, эстляндскій и финляндскій, съ преосвященнымъ Іустиномъ и преосвященнымъ Аѳанасіемъ, епископомъ винницкимъ. Бренные останки безсмертнаго народнаго писателя положены въ землю рядомъ съ могилою друга и товарища его Н. И. Гнѣдича (переводчика гомеровой Иліады). Много поэтическихъ идей излилось изъ геніяльнаго ума И. А. Крылова и поэтическая идея озарила послѣднее прощаніе съ нимъ признательныхъ къ нему современниковъ. На головѣ покойнаго былъ тотъ самый лавровый вѣнокъ, которымъ благодарные соотечественники украсили его въ день юбилея пятидесятилѣтней литературной его жизни; на груди и на сердцѣ лежали цвѣты, которыя ея императорское величество государыня императрица Александра Ѳеодоровна, по особенной своей милости къ первому русскому писателю, благоволила иногда присылать ему и которые онъ сберегалъ какъ святыню; вмѣсто герба на траурныхъ принадлежностяхъ было изображеніе медали, вычеканенной для увѣковѣченія памяти о юбилеѣ Ив. Андреевича [1]), и при закрытіи

[1]) Это не вѣрно. Г. Изотовъ, который занимался устройствомъ похоронъ, доставилъ намъ черновой рисунокъ собственной его работы, украшавшій щитки на траурныхъ принадлежностяхъ, и при томъ сообщилъ, что Я. И. Ростовцовъ былъ въ затрудненіи, что помѣстить на этихъ щиткахъ, такъ какъ у Крылова не было герба; но найдя у покойнаго вѣнокъ, поднесенный ему на юбилеѣ, предложилъ г. Изотову нарисовать его, сказавъ: «это будетъ лучше всѣхъ гербовъ въ мірѣ».

гроба г. министръ нар. просвѣщ. д. т. сов. С. С. Уваровъ положилъ одну медаль въ гробъ. Общая и искренняя горесть была послѣднею данью незабвенному, которымъ Россія гордится по справедливости, и котораго имя будетъ до тѣхъ поръ повторяться съ сердечною хвалою, пока будетъ существовать языкъ русскій.

С.-Петербургскія Вѣдомости, № 262, среда, 17 ноября 1844 [1]).

Крылова не стало!... Вѣсть объ этомъ горестномъ событіи уже несется теперь по всей Россіи и, конечно, во всѣхъ концахъ нашего неизмѣримаго отечества, гдѣ только читаютъ по-русски, принимается съ одинаковымъ, искреннимъ соболѣзнованіемъ. Велика наша утрата, но сокрушеніе о ней умѣряется мыслью утѣшительною: прекрасно жилъ, прекрасно и умеръ нашъ добрый «дѣдушка Крыловъ», по удачному выраженію кн. Вяземскаго. Семьдесятъ шесть лѣтъ жизни физической, пятьдесятъ шесть жизни литературной «всегда народной по своему духу, всегда чистой по своему нравственному направленію» [2]) поприще, какое суждено пройти немногимъ. Поэтъ истинно самобытный, когда литература наша еще жила подражаніемъ, поэтъ по преимуществу народный, когда еще самое слово «народность» не употреблялось у насъ въ томъ значеніи, какое мы нынче придаемъ ему, Крыловъ всегда имѣлъ успѣхъ, какимъ не пользовался никто изъ другихъ нашихъ поэтовъ, потому что Крыловъ былъ поэтъ чисто русскій — русскій по уму здравому, свѣтлому и могучему, русскій по неизмѣнному добродушію, русскій по игривой, безобидной ироніи, столь свойственной нашему народу, ироніи, которая всегда сопровождается улыбкою благорасположенія. Въ многочисленныхъ своихъ произведеніяхъ онъ говорилъ всѣмъ и каждому истины всегда мѣткія, всегда горькія, никому необидныя, именно потому, что онѣ запечатлѣны печатью доброжелательства, что въ насмѣшливости его не было ни капли желчи. Творенія Крылова, какъ яркое выраженіе духа народнаго и нравовъ нашего времени, не умрутъ, пока живъ языкъ русскій; пройдутъ тысячелѣтія, и *Басни* Крылова будутъ одними изъ драгоцѣннѣйшихъ перловъ *древней* русской литературы. Какъ человѣкъ, Крыловъ отличался тѣми же прекрасными качествами, которыя придаютъ такую высокую цѣну его твореніямъ. Умный, добрый, скромный, даже излишне скромный [3]), онъ во всю жизнь свою былъ окруженъ общею любовью, искреннимъ уваженіемъ, никогда не возбуждая низкаго чувства зависти, и умеръ — не переживъ своего таланта, умеръ тихо, спокойно, когда тѣло его еще не было обременено старческими

[1]) Эта статья перепечатана въ *Рус. Инв.* № 260, 17-го ноября.

[2]) Слова С. С. Уварова въ привѣтственной рѣчи на юбилеѣ.

[3]) Необыкновенный успѣхъ своихъ произведеній онъ приписывалъ тому, что басни его даютъ въ руки дѣтямъ, а дѣти не умѣютъ беречь книгъ. *Пр. авт.*

недугами, а душа была также ясна, какъ въ лѣта юности: за нѣсколько часовъ до своей кончины онъ остроумно шутилъ — надъ самимъ собою.

Во все время, пока тѣло покойнаго оставалось въ его квартирѣ, не смотря на затруднительность сообщенія между берегами Невы [1]), скромное жилище его не пустѣло, посѣщенія не перемежались, многочисленные почитатели его таланта и характера безпрерывно слѣдовали одни за другими; отцы приводили къ его гробу дѣтей своихъ, чтобы внушить имъ уваженіе къ таланту и свѣтлой, безукоризненной репутаціи.

Прекрасная жизнь, какъ мы уже говорили, заключилась и кончиною прекрасною. На неизбѣжный переходъ отъ жизни временной къ вѣчной Крыловъ смотрѣлъ безтрепетно, спокойно, какъ философъ и христіанинъ. Сдѣлавъ всѣ нужныя распоряженія по своему имуществу, онъ не забылъ и о своихъ похоронахъ. Оригинальный и тутъ, онъ хотѣлъ, чтобы пригласительные билеты сопровождались собраніемъ его басенъ, — приношеніемъ на память о немъ.

(Далѣе слѣдуетъ описаніе похоронъ, при чемъ сообщено, что на похороны Крылова была пожалована Государемъ особая сумма. Въ заключеніе прибавлено извѣщеніе, что министръ нар. просв. въ скоромъ времени имѣетъ открыть подписку на надгробный памятникъ).

Примѣчаніе. Въ указателѣ статей о Крыловѣ пропущена замѣтка П. П. Быстрова и С. Д. Полторацкаго въ *Москвитянинѣ*, 1849 г. ч. IV, 1849 г. объ *Эпиграммѣ къ N...*, напечатанной въ журналѣ, который издавался въ 1785 г. Туманскимъ, *Лѣкарство отъ скуки и заботъ*, ч. I, стр. 268.

VII.

Переписка Льва Андреевича Крылова съ братомъ [2]).

Левъ Андреевичъ Крыловъ принадлежитъ къ разряду тѣхъ людей, которые проходятъ свое земное поприще, не ознаменовавъ его никакимъ замѣтнымъ дѣломъ, не возвысивъ и не унизивъ своей скромной доли, и умираютъ, не оставивъ даже слѣда своего существованія. О такихъ людяхъ исторія не говоритъ, человѣчество о нихъ ничего не знаетъ, и даже близкіе къ нимъ, ихъ товарищи, забываютъ о нихъ чуть ли не на самой могилѣ. Если о нихъ иногда и упоминаютъ, то они этимъ обязаны своимъ невольнымъ отношеніямъ къ людямъ геніяльнымъ, озаряющимъ все, что ни соприкасается съ ними.

---

[1]) Крыловъ жилъ на Вас. Остр. въ 1-й линіи въ домѣ Блинова. Это четвертый домъ отъ Румянцовской площади. *Прим. авт.*

[2]) Напечатана въ первый разъ въ *Русскомъ Архивѣ* 1868 г. № 2.

Всѣ наши свѣдѣнія о немъ мы почерпаемъ изъ его писемъ къ брату, которыя сохранились въ бумагахъ послѣдняго, принадлежащихъ нынѣ К. С. Савельеву.

Л. А. началъ службу въ гвардіи и жилъ въ Петербургѣ, когда его братъ вмѣстѣ съ Клушинымъ издавалъ журналъ; потомъ онъ перешелъ въ армію, по какой причинѣ, изъ писемъ не видно. Время и разлука съ братомъ не ослабили въ немъ нѣжной, почти сыновней привязанности къ нему. «Любезный батюшка», «братецъ Иванъ Андреевичъ», «милый тятенька», «голубчикъ-тятенька», — вотъ постоянныя обращенія, встрѣчающіяся въ каждомъ письмѣ. Въ своихъ письмахъ Л. А. дѣлится съ геніальнымъ братомъ и радостями, и горемъ, навѣщавшимъ его не разъ. Конечно, такія отношенія могутъ сохраняться только тогда, когда они взаимны. Иванъ Андреевичъ Крыловъ до послѣдней минуты жизни своего брата, умершаго гораздо ранѣе его, былъ его другомъ, покровителемъ и товарищемъ; постоянно входилъ въ мельчайшія его нужды, интересовался его служебнымъ положеніемъ, его знакомствами, образомъ жизни, занятіями, расходами, и помогалъ ему и деньгами, и добрымъ совѣтомъ. Отвѣты Л. А. на его вопросы рисуютъ до мельчайшей подробности бѣдную картину жизни сначала армейскаго, потомъ гарнизоннаго, а наконецъ инвалиднаго офицера, потому что Л. А. прошелъ всѣ эти роды службы.

Чтобы не утомлять вниманія читателей, мы удерживаемся отъ напечатанія всѣхъ писемъ, которыхъ сохранилось 96, и ограничиваемся только извлеченіями и небольшими выдержками изъ нихъ (разумѣется, возстановляя правописаніе).

Первое письмо по времени написано 11 янв. 1799 г. и получено И. А. (какъ видно изъ его собственноручной надписи) «1799 г. генваря 17 дня». Приводимъ начало его:

«Богу одному извѣстно, сколько сердце мое чувствуетъ радости, читая твое пріятное письмо, которое я получилъ сего генваря 11 дня, со вложеніемъ ста рублей ассигн.; и сколько я ни думалъ описать тебѣ мою благодарность, но наконецъ увидѣлъ, что слабый умъ мой никогда не можетъ сыскать словъ, чтобы живо изобразить оную. Мнѣ кажется, что сильныя движенія сердца только можно чувствовать, а описывать никогда... Ты говоришь, любезный тятенька, что живешь весело и доволенъ своимъ состояніемъ, по милости князя Сергія Ѳедоровича Голицына. Слава Богу! Желаю тебѣ отъ всего моего сердца и прошу Бога, чтобы ты и всю свою жизнь провелъ весело. Увѣряю тебя, любезный мой, что меня ничто не можетъ больше веселить, какъ твое доброе состояніе»... Далѣе въ отвѣтъ на вопросъ брата, требовавшаго, чтобы Л. А. описалъ ему весь свой «экипажъ», онъ перечисляетъ свое скудное имущество, въ которомъ книги занимаютъ первое и весьма замѣтное мѣсто; скрипка, взятая И. А. у какого-то Сафонова, также «много прогоняла скуку» Л. А-ча. За тѣмъ слѣдуетъ счетъ денегъ, заключающійся слѣ-

дующимъ восклицаніемъ: «И такъ видишь ты, любезный тятенька, имѣю я болѣе 200 р., чего у меня никогда не было, и которыхъ, думаю, на долго станетъ, ибо я въ карты не играю, столъ имѣю всегда хорошій... передъ обѣдомъ и передъ ужиномъ рюмка водки, по утру чай....» Въ слѣд. письмѣ Л. А. разсказываетъ о своемъ походѣ. 12-го января 1799 г., войска, находившіяся въ Херсонѣ, получили приказаніе отъ генерала Германа немедленно выступать въ походъ; «но какъ была нѣкоторая неисправность въ разсужденіи обоза, да и у офицеровъ у многихъ ни лошадей, ни повозокъ, то и промѣшкались до 22-го. Сего числа поутру въ 8 часовъ съ помощью Божью выступили. Надобно сказать тебѣ напередъ, что у меня передъ этимъ временемъ не было ни полушки денегъ, а кормили меня товарищи, съ которыми я жилъ въ одной казармѣ. Хотя у меня и была маленькая повозченка, но ни лошади и ничего больше; а безъ денегъ въ походѣ пренегодно. Занялъ я 30 р. у баталіоннаго начальника въ счетъ жалованія и, такимъ образомъ кое-какъ собравшись, потащился, самъ пѣшкомъ и во весь походъ шелъ пѣшій... Вообрази себѣ, любезный тятенька, что я, не ходивши никогда, и 20 верстъ пѣшкомъ,— а тутъ съ утра была оттепель, выпало снѣгу по колѣно»... потомъ наступилъ жестокій морозъ, «я же шелъ въ штиблетахъ, повозки всѣ отправили впередъ; мнѣ кажется, я бы совсѣмъ околѣлъ, еслибы къ счастію моему повозка моя не остановилась. Однакожъ я такъ сильно отморозилъ ноги, что до самого Бару болѣли цѣлый мѣсяцъ». Въ Бару генералъ Германъ сдѣлалъ смотръ войскамъ, послѣ чего они продолжали путь до Гусятина и здѣсь расположились по деревнямъ. Отдохнувъ нѣкоторое время, они продолжали путь. Авторъ письма останавливается на описаніи городовъ Львова, потомъ Пешта, гдѣ наши войска были встрѣчены принцемъ Іосифомъ и гдѣ имъ былъ оказанъ самый радушный пріемъ. Изъ послѣдующихъ писемъ видно, что Л. А. велъ журналъ во время всего Итальянскаго похода и по частямъ доставлялъ его брату; но изъ него сохранился только небольшой отрывокъ, который однакожъ даетъ понятіе о томъ, въ какомъ родѣ былъ этотъ журналъ. Онъ по содержанію и изложенію напоминаетъ хожденіе Игумена Даніила. Въ сохранившемся отрывкѣ — весь маршрутъ отъ Нови, гдѣ происходило 16-часовое сраженіе (въ которомъ Л. А. не участвовалъ, потому что ихъ войска опоздали, отправившись не тою дорогою), до Кастель-Флорентино, «небольшаго селенія на высокой горѣ». Л. А. означаетъ время всѣхъ переходовъ, мѣстечки, селенія, города, бросаетъ нѣсколько общихъ замѣчаній о каждомъ, но въ нихъ нѣтъ ничего, что̀ бы могло занять читателя.

Слѣдующее письмо, отъ 26 дек. 1800 г., написано, какъ видно, изъ-подъ Серпухова, вокругъ котораго расположились войска, возвратившіяся изъ похода. Въ немъ Л. А. поздравляетъ брата съ новымъ годомъ и благодаритъ за присланныя 50 р. асс.

Писемъ изъ Серпухова, 1801—2 г., сохранилось только два. Первое

(безъ означенія числа), несмотря на краткость, не лишено интереса. Поблагодаривъ И. А. за письмо, полученное 24 янв., Л. А. продолжаетъ: «сказка твоя о Мареушкѣ (?) меня удивила. Я, право, полагалъ, что она давно на волѣ, а она бѣдная терпѣла черезъ твою безпечность. Однакожъ теперь я очень радъ и благодарю тебя, что ты за все претерпѣніе ее наградилъ; по крайней мѣрѣ она теперь сыщетъ гдѣ нибудь пристанище и не будетъ бояться тюрьмы, которой прежде всякій разъ ожидала.» Пожалѣвъ, что не имѣетъ свѣдѣнія о своихъ прежнихъ товарищахъ, Л. А. восклицаетъ: «Что вздумалось Клушину твоему жениться, да еще и съ такимъ богатымъ приданымъ, и вѣрно, на актрисѣ. Я бы никогда отъ него этого не ожидалъ!» «Конечно вы съ нимъ не въ ладахъ, что такъ въ близкомъ разстояніи одинъ отъ другаго, а не имѣете переписки». Дѣйствительно ли И. А. разошелся съ Клушинымъ, или развели ихъ обстоятельства, этого мы не имѣли возможности узнать. Л. А. удалось въ Серпуховѣ открыть родственницу — «дядюшки Якова Юдича родную сестру, вдову, которая имѣла тамъ свой домъ и жила съ дѣтьми, изъ коихъ одинъ сынъ подъячій. Въ заключеніе Л. А. пишетъ: «Ты заботишься и не знаешь, какъ пособить моей скукѣ, и пишешь, что если бы Татищевъ былъ въ Москвѣ, то бы библіотеку ко мнѣ переслалъ. Но ты подумай, не смѣшно ли было бы возить цѣлый возъ книгъ и имѣть тройку лошадей для нихъ? Я думаю, еслибы ты ко мнѣ пожаловалъ, чего я нетерпѣливо ожидаю, то хотя бы книгъ 30 или 40 привезъ, да одолжилъ бы до безконечности, если бы привезъ скрипку: она бы много скуку отгоняла.» — Въ другомъ письмѣ находимъ упреки въ лѣни, сожалѣніе о томъ, что нѣтъ возможности находить сюжеты для писемъ, когда на нихъ не отвѣчаютъ. «Еще разъ прошу тебя, голубчикъ мой, пиши ко мнѣ, не лѣнись, пиши о своемъ здоровьи, которое мнѣ всего на свѣтѣ милѣе, и какъ ты живешь. Я сердечно желаю тебя видѣть. Ахъ! какъ мнѣ скучно, что тебя такъ долго не вижу: ты у меня всегда въ мысляхъ.»

Послѣ единственнаго письма 1803 года (отъ 5 марта), не заключающаго въ себѣ ничего особеннаго, кромѣ выраженія никогда не осуществившейся надежды, что И. А. соберется въ Серпуховъ, слѣдуетъ длинный перерывъ,—до февраля 1816 года. По всей вѣроятности письма эти утрачены; такъ по крайней мѣрѣ можно заключить по тону послѣдующихъ писемъ.

Первое письмо, относящееся къ 1816 г., (отъ 26 февр.), начинается выраженіемъ благодарности за присланныя 200 р., которые были особенно кстати, потому что у Л. А. былъ «одинъ мундиръ, да и тотъ съ плечъ слѣзалъ, а рубашки хоть и три, но и тѣ въ дырьяхъ.» «Изъ этого» продолжаетъ онъ, «можешь судить, любезный тятенька, что у меня и самыхъ нужныхъ вещей нѣтъ, а о прочемъ и говорить нечего.» Эти 200 рубл. должны были казаться Л. А. особенно дорогими, ибо И. А. писалъ къ нему, что самъ находится въ хлопотахъ и нуждается. «Но

что дѣлать, утѣшалъ его братъ; я часто вспоминаю твою пословицу: бываетъ хуже, бываетъ и лучше, а также стараго твоего друга, Александра Ивановича Клушина: все пройдетъ! И подлинно, и худое и хорошее, все проходитъ.» Въ 1816 году Л. А. былъ уже гарнизоннымъ офицеромъ, а потому остальную часть письма посвящаетъ описанію своего состоянія: «Жалованія мнѣ 80 р. въ треть, что составляетъ серебромъ 17 р., а мундиръ, какъ ни дѣлай бѣдно, менѣе 25 р. сдѣлать нельзя; рубашка одна стоитъ, не мудренаго холста, 2 р. 50 к. сер. Между тѣмъ, если бы я и вздумалъ что сдѣлать, такъ прежде думать надобно о сапогахъ, которые стоятъ, самые простые, 4 р. сер.; а ѣсть также надобно, да и не одному, а кормить двухъ деньщиковъ, которые провіантъ хотя и получаютъ, но ужъ больше ничего.» Къ такой нуждѣ присоединились болѣзни: «Я здоровьемъ такъ слабъ сталъ, продолжаетъ Л. А., а особливо глазами, что почти и въ гарнизонѣ служить не могу, и желалъ бы имѣть покой; но видно судьбѣ угодно, чтобы до гроба влачилъ я жизнь въ безпокойствахъ и горестяхъ». Письмо свое онъ заключаетъ просьбою, чтобы братъ писалъ къ нему какъ можно чаще, ибо въ его письмахъ онъ находитъ единственное утѣшеніе.

Слѣдующее письмо (отъ 10 мая 1816 г.) заслуживаетъ особеннаго вниманія: оно болѣе другихъ выясняетъ отношенія между братьями въ ту эпоху, когда старшій изъ нихъ сдѣлался человѣкомъ знаменитымъ и въ матеріальномъ отношеніи вполнѣ независимымъ; съ другой стороны оно рисуетъ положеніе Л. А. «Ни разуму моего, ни словъ не достанетъ довольно (пишетъ онъ) выразить тебѣ мою благодарность за твои ко мнѣ милости. Письмо твое отъ 26-го марта со 150 р. ас. я получилъ съ превеликою радостію.» Это же письмо дало Л. А-чу и другой поводъ радоваться: братъ писалъ къ нему, что надѣется поправить свои обстоятельства и положительно спрашивалъ, сколько ему нужно, чтобы выдти изъ бѣдственнаго положенія. Л. А. отвѣчалъ, что всего труднѣе поддерживать гардеробъ, что «сюртука у него нѣтъ, мундиръ износился, а шинель хотя и есть, но въ ней не всегда можно быть,» а потому онъ проситъ брата прислать денегъ на обмундировку. Май мѣсяцъ былъ самый тягостный для Л. А.: баталіону предстояло въ лѣтнее время занимать караулы; «къ тому же командиръ — человѣкъ молодой, строгій, подполковникъ Бурнашевъ, все воображаетъ, что онъ въ арміи, забывая, что въ гарнизонѣ одни калѣки и старые люди.» Отсюда же узнаемъ, что Л. А. въ 806 году произведенъ въ капитаны «и успѣлъ подъ Туркою быть въ пяти сраженіяхъ, но не раненъ; а за болѣзнію въ 808 году переведенъ въ гарнизонъ.» Въ концѣ письма онъ проситъ брата прислать ему свои сочиненія, которыя онъ «весьма желалъ бы прочесть, а особливо басни, которыя и здѣсь (въ Каменцѣ-Подольскомъ) въ славѣ.»

Но на свои письма Л. А. долго не получалъ никакого отвѣта и въ письмѣ отъ 19 авг. (1816 г.) теряется въ предположеніяхъ, что бы могло означать это молчаніе. Онъ извѣщаетъ брата, что назначенъ асессоромъ

въ комиссіи военнаго суда, что служба его хотя и гарнизонная, но тягостная, что онъ «не выходитъ изъ мундира, который самъ съ плечь валится», а новый сшить онъ не рѣшается, потому что, «хоть и есть у него немного деньжонокъ, но онъ боится, что, израсходовавъ ихъ, ему ѣсть нечего будетъ».

Въ мартѣ 1817 г. И. А. исполнилъ наконецъ просьбу брата, неоднократно повторявшуюся въ его письмахъ: послалъ ему экземпляръ своихъ басенъ, двѣ комедіи и, какъ водится, 150 р. с. Вотъ что по этому поводу пишетъ Л. А. (отъ 7 марта): «Благодарю тебя, любезный мой тятенька, что ты меня не позабылъ и исполнилъ свое обѣщаніе. Безпримѣрныя твои басни я пробѣжалъ, и могу сказать, что не даромъ ты ими прославился, да и государь императоръ удостоилъ ихъ назвать пріятными и полезными... Я никогда не сомнѣвался, чтобъ ты не употребилъ свои божественныя дарованія въ пользу общаго блага, и нахожу, что нѣтъ ничего достойнѣе благородной души, какъ совѣтами и самыми легкими доказательствами отвращать отъ порока и привлекать къ добродѣтели. Повѣрь, любезный тятенька, что примѣры твоей добродѣтели и всѣ твои слова, слышанныя мною еще въ младенчествѣ, въ сердцѣ моемъ останутся неизгладимы до конца жизни». — Къ экземпляру, посланному Л. А., былъ приложенъ портретъ автора. Л. А. нашелъ его вовсе не похожимъ и не вѣритъ, чтобы человѣкъ могъ такъ перемѣниться — помолодѣть, сравнительно съ прежнимъ портретомъ [1]).

Отъ разсужденія о портретѣ Л. А. переходитъ къ разсказу о томъ, какъ проводитъ время и какъ живетъ, о чемъ спрашивалъ его И. А. Отъ 5 час. утра до 9 онъ занимался дѣлами своей роты: читалъ бумаги, составлялъ отчеты, бесѣдовалъ съ фельдфебелемъ; съ 9 до часу исполнялъ обязанности судьи; въ часъ обѣдалъ «ѣлъ щи да кашу, но праздникамъ и жаркое, и рюмку водки выпивалъ». Время до 7 часовъ опять посвящалъ ротѣ. Только вечеръ принадлежалъ ему. Тогда онъ весь предавался своей скрипкѣ. «Изъ этого, продолжаетъ онъ, ты можешь заключить, что я мало скучаю праздностію, а еслибы ты, любезный тятенька, былъ со мною, такъ я бы полагалъ себя наисчастливѣйшимъ изъ смертныхъ... Знакомыхъ здѣсь я никого не имѣю, съ кѣмъ бы могъ раздѣлить пріятно время. Да и городъ здѣсь маленькій, набитъ жидами и поляками, а съ поляками мнѣ не совсѣмъ свойственно дружиться». Но онъ умѣлъ быть и этимъ довольнымъ: «Живу я по своему состоянію довольно хорошо», заключаетъ онъ. Изъ этого же письма узнаемъ, что Л. А., уже находясь въ гарнизонѣ, участвовалъ въ 1813 г. въ походѣ въ Пруссію; «а теперь, говоритъ онъ, сижу уже на мѣстѣ, какъ ракъ на мели. Вотъ

---

[1]) Подъ прежнимъ портретомъ здѣсь, конечно, разумѣется тотъ, который былъ приложенъ при первомъ изданіи басенъ; но въ сохранившихся экземплярахъ этого изданія, равно какъ и въ экземплярахъ изданія 1815 — 1816, портретовъ вовсе нѣтъ.

теперь меня можно назвать сивымъ старцемъ, какъ въ молодости друзья называли».

Спустя мѣсяцъ (11-го апрѣля 1817) Л. А. пространно сѣтуетъ на брата, что онъ, требуя отъ него подробныхъ отчетовъ, молчитъ о себѣ и ничего не сообщаетъ о своихъ обстоятельствахъ. Среди скуки и однообразія жизни онъ теперь находитъ новое развлеченіе въ его басняхъ: «Скажу тебѣ, любезный тятенька, басни твои меня такъ утѣшаютъ, что я многія изъ нихъ наизусть вытвердилъ, и читать ихъ никогда не наскучитъ». Изъ всѣхъ басенъ особенно понравилась ему *Сочинитель и Разбойникъ*, и онъ сознается, что «въ жизни ничего лучшаго не начитывалъ». «Да и всѣ твои басни, прибавляетъ онъ, безпримѣрны».—«Я бы желалъ прочесть и другія твои сочиненія, и я увѣренъ, что они должны быть безподобны». Но Л. А. не зналъ, какъ желаніе его неисполнимо. Письмо заключается слѣдующею весьма часто повторяющеюся просьбою: «прошу тебя, голубчикъ мой, пожалуйста, удѣли полчаса времени не полѣнись, напиши ко мнѣ по пространнѣе».

Но и сентябрь наступилъ, и Л. А. еще разъ послалъ брату 6 ф. турецкаго табаку, а онъ все молчитъ; наконецъ въ октябрѣ Л. А. дѣлаетъ предположеніе, не вздумалось ли И. А. прокатиться въ Москву, куда, какъ слышно было и въ Каменцѣ, отправлялся государь и гвардія.

Какъ ни страннымъ должно было показаться И. А-чу такое предположеніе, однакожъ онъ сохранилъ молчаніе до самаго декабря. Между тѣмъ Л. А. успѣлъ написать и четвертое письмо, въ которомъ умолялъ брата написать хоть пять строкъ, ибо, говорилъ онъ, «я все таки не думаю, что ты меня забылъ, я полагаю, что все откладываешь за лѣнью, чѣмъ меня крайне безпокоишь.» Тутъ же Л. А. извѣщаетъ брата, что есть слухъ, будто государь пріѣдетъ въ Каменецъ въ апрѣлѣ будущаго года, а онъ промотался, сшилъ себѣ сюртукъ, за который долженъ былъ заплатить 80 р. ас.; между тѣмъ у него нѣтъ серебрянаго шарфа и витишкетовъ къ смотру, «Деньгами же я, продолжаетъ онъ, до назначеннаго отъ тебя, голубчикъ мой, жалованія, какъ нибудь перебьюсь.»

И. А. предупредилъ просьбу брата: 5-го декабря онъ отослалъ къ нему письмо со вложеніемъ 250 р. ас. Отвѣтъ на это письмо (отъ 15 янв. 1818 г.) открываетъ еще одну черту въ отношеніяхъ И. А. къ брату. Онъ не ограничивался высылкою денегъ къ назначенному сроку; онъ желалъ быть поближе къ брату и, какъ видно, серьезно о томъ подумывалъ. Но на эти мечты его пусть лучше отвѣчаетъ самъ Л. А.: «Ты меня, голубчикъ мой, весьма много обрадовалъ, что желаешь какъ нибудь перетащить меня поближе къ себѣ. Я не могу изъяснить, сколь велико желаніе мое быть съ тобою вмѣстѣ, или хотя въ недальнемъ разстояніи отъ тебя; но ума не приберу, какимъ образомъ можно бы это сдѣлать. Ты пишешь, что твои пріятели могутъ сыскать или достать мнѣ мѣсто комендантское или плацъ-маіорское въ какомъ нибудь уѣздномъ городкѣ по близости Петербурга; но эти мѣста штабъ-офицерскія, а я только ка-

питанъ. Плацъ-адъютантомъ хотя бы я и могъ быть, но это мѣсто весьма хлопотливо, да «и надобно знать по бумагамъ»; а я при огнѣ даже читать, а особливо рукопись, совсѣмъ не могу; ибо глазами я очень слабъ, и потому сколько мнѣ ни желательно быть чаще съ тобою вмѣстѣ, но остаюсь безъ всякой надежды по своему здоровью. Развѣ ты, голубчикъ, посовѣтуешься съ твоими почтенными пріятелями: можетъ быть, они что нибудь придумаютъ. И если они найдутъ спокойное и не суетливое мѣсто, сверхъ моего чаянія по моему слабому и безоружному здоровью, и могутъ мнѣ достать, то пожалуйста, любезный тятенька, поскорѣе. Въ разсужденіи же статскихъ должностей, я никакъ не сроденъ и не способенъ, служа съ малолѣтства вотъ уже 32-й годъ въ военной службѣ»... «Ахъ, какъ, голубчикъ мой, заключаетъ Л. А., желаю тебя видѣть и обнять тебя, и лично поблагодарить за твои ко мнѣ благодѣянія. Клянусь тебѣ, что все мое благополучіе поставляю въ томъ, если бы я могъ съ тобою вмѣстѣ жить или хоть часто тебя видѣть».

Въ слѣдующемъ письмѣ (отъ 13 февраля 1818) опять повторяются укоризны брату, что онъ залѣнился и опять со дня на день откладываетъ, между тѣмъ какъ Л. А. нетерпѣливо ожидаетъ отвѣта на его послѣднія просьбы, тѣмъ болѣе, что И. А. самъ подалъ къ нимъ поводъ: «Я нетерпѣливо желаю тебя видѣть, говоритъ онъ; мы никогда не были столь долго съ тобою въ разлукѣ. Вотъ уже 12 съ половиною лѣтъ, какъ мы съ тобою разстались, а у насъ никого больше родни нѣтъ. Божусь тебѣ, любезный тятенька, меня это весьма крушитъ, что мнѣ кажется, что я умру, не видѣвши тебя». Далѣе, по обыкновенію Л. А. доноситъ, что, по милости брата, ни въ чемъ нужды не терпитъ и всѣмъ совершенно доволенъ, а въ заключеніе проситъ прислать свои сочиненія, если есть новыя.

Но мечты объ этомъ свиданіи съ братомъ были прерваны совершенно неожиданнымъ происшествіемъ, причинившимъ Льву А-чу много заботъ. Вотъ какъ о немъ пишетъ Л. А. (отъ 27 марта 1818 г.): «Мы теперь, любезный тятенька, имѣемъ уже маршрутъ государя императора. Онъ сюда прибудетъ непремѣнно 25-го апрѣля на ночь, 26-го здѣсь будетъ обѣдать, уже дѣлаютъ приготовленія для угощенія государя. Мы также приготовляемъ». Но бѣда не въ томъ, а вотъ въ чемъ: «нашъ гарнизонный караулъ ему будетъ, и для того баталіонный командиръ всѣмъ офицерамъ въ счетъ жалованія купилъ весь приборъ серебряный, т. е. шарфы, темляки, витишкеты, эполеты, и строитъ всѣмъ новые мундиры съ панталонами единообразное, что все будетъ стоить около 250 р. ас. на каждаго... а если хорошій приборъ, то и въ 400 не вогнали бы. И такъ теперь я долженъ быть почти цѣлый годъ безъ жалованія. Но я надѣюсь на тебя, голубчикъ - тятенька, что ты меня не оставишь и не допустишь до нищеты... Прошу тебя, голубчикъ-тятенька, помоги!»

Слѣдующее письмо (отъ 4 мая 1818), какъ должно ожидать, заключаетъ разсказъ о пребываніи государя въ Каменцѣ-Подольскомъ. Описавъ обычную встрѣчу государя духовенствомъ и дворянствомъ, Л. А. продол-

жаетъ: «Скажу тебѣ, любезный тятенька, государь во все время присутствія тутъ былъ весьма веселъ, любезенъ и доволенъ; многихъ наградилъ. Баталіономъ нашимъ былъ весьма доволенъ, ибо нашъ баталіонъ во время государева пріѣзда стоялъ въ караулѣ. Баталіоннаго нашего начальника, подполковника Бурнашева, на другой же день произвелъ въ полковники и приказъ подписалъ. И могу сказать, что баталіонъ былъ одѣтъ очень хорошо; офицеры всѣ въ новыхъ мундирахъ и серебряномъ приборѣ, что̀ для насъ немножко непріятно, въ разсужденіи, что цѣлый годъ или болѣе должны выплачивать: каждый мундиръ съ серебрянымъ приборомъ стоитъ 234 р. ассигн. Прошу тебя, любезный тятенька, не оставь, голубчикъ! Я на тебя надѣюсь, какъ на каменную гору. Да и на кого же мнѣ болѣе и надѣяться?»

Само собою разумѣется, что Ив. А. не заставилъ брата повторять эту просьбу. 18 мая 1818 г. Л. А. писалъ къ нему въ отвѣтъ на его письмо, въ которомъ нашелъ 250 р. ас.: «Тысячу разъ благодарю тебя голубчикъ мой, за твои ко мнѣ отеческія милости. Рѣдкіе и отцы столь щедры къ своимъ дѣтямъ, какъ ты ко мнѣ.» Между тѣмъ И. А. все еще помышлялъ о переводѣ брата куда нибудь поближе къ Петербургу. Въ этомъ же письмѣ находимъ слѣдующее замѣчаніе Л. А.: «Мнѣ весьма пріятно, любезный тятенька, что ты заботишься о перемѣщеніи меня къ себѣ поближе. Божусь тебѣ, голубчикъ, что я нетерпѣливо желаю тебя видѣть и обнять тебя».

Въ іюлѣ того-же года Л. А. и безъ участія брата попалъ въ инвалидъ, по распоряженію баталіоннаго командира, который назначилъ его начальникомъ Винницкой инвалидной команды и вмѣстѣ съ тѣмъ депутатомъ при слѣдствіи надъ контрабандистами. Такимъ образомъ Л. А. получилъ въ нѣкоторомъ родѣ самостоятельное положеніе, съ которымъ, конечно, сопрягалось много заботъ и пропасть письма̀ (письмо отъ 22 іюля, 1818, изъ Винницы).

Изъ письма, отъ 24 сент. 1818, видно, что И. А. самъ былъ въ затруднительномъ положеніи и жаловался на петербургскую дороговизну. «Радуюсь, писалъ Л. А. въ отвѣтъ на это письмо (отъ 11 сент. 1818), что ты, любезный тятенька, здоровъ; только жаль, что ты обезденежѣлъ. Но Богъ милостивъ, опять будутъ деньги, лишь бы Богъ далъ здоровья». За тѣмъ онъ сравниваетъ Винницкія цѣны съ петербургскими на съѣстные припасы и заключаетъ: «Богъ тебя надоумилъ, что ты меня не перевелъ въ Ораніенбаумъ, а то бы, кромѣ безпокойства, я дѣйствительно большую нужды съ этими деньгами могъ претерпѣвать». Между тѣмъ въ надеждѣ на будущія блага Л. А., не дожидаясь пособія отъ брата, купилъ за 100 р. ас. хуторокъ, чтобы впослѣдствіи обзавестись на немъ хозяйствомъ. Къ этому подстрекало его, во первыхъ, то, что масло, молоко, сыръ будутъ свои; во вторыхъ, птицы и яйца будутъ тоже не купленныя, а для птицъ приволье большое, потому что хуторъ окруженъ водою; къ тому же огородъ такъ великъ, что зелени и овощей съ него на цѣлый

годъ станетъ, да и работника не искать стать: «деньщика я имѣю женатаго, пишетъ онъ, который еще взятъ мною изъ арміи; онъ у меня живетъ уже 11 лѣтъ, я его довольно знаю, и надѣюсь на него»... «Теперь задумалъ я, живучи совершенно на мѣстѣ, завестись хозяйствомъ; мало по малу и птица свиваетъ себѣ гнѣздо. Только прошу тебя, любезный тятенька, если будутъ у тебя деньги, не оставь въ теперешнемъ моемъ положеніи: жалованія я получилъ только 17 р. асс., а прочее все вычли за обмундировку».

Высочайшій приказъ объ утвержденіи Л. А. въ должности командира Винницкой инвалидной команды придалъ ему еще болѣе охоты заняться своимъ хозяйствомъ и утвердилъ его въ намѣреніи остаться на всегда въ Винницѣ. Онъ проситъ брата (п. отъ 25 янв. 1819 г.) познакомиться съ его начальникомъ, полковникомъ Бурнашевымъ, уѣзжавшимъ въ то время въ Петербургъ. Хозяйство его постепенно расширялось: онъ купилъ лошадь и подумывалъ о коровѣ; но не рѣшался покупать, потому что къ пасхѣ могъ остаться безъ денегъ, «а этотъ праздникъ любитъ деньги». Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сообщаетъ брату, что всѣ его басни вытвердилъ наизусть и съ нетерпѣніемъ ожидаетъ новыхъ, и повторяетъ просьбу прислать ему *Инвалидъ*: «это ты для меня выиграй въ бостонъ», совѣтуетъ Л. А.

Въ письмѣ отъ 26 апр. 1819, онъ уже благодаритъ его за присылку *Инвалида*, который вмѣстѣ со скрипкою и хуторомъ увеселяли его и занимали. Хозяйство на хуторѣ съ наступленіемъ весны значительно расширилось: «Я купилъ, пишетъ Л. А., двѣ коровы за 100 р. ас., цыплятъ у меня и гусенятъ до 50, огородъ огородилъ и вскопалъ, деревья въ саду распускаются — будетъ чѣмъ потѣшиться!...»

Заботы о хозяйствѣ, наполнявшія жизнь Л. А., И. А. одобрилъ; не хвалилъ только покупки лошади; а потому письмо отъ 27 мая (1819) наполнено доказательствами, что лошадь въ хозяйствѣ необходима и содержаніе ея не дорого обходится. И. А. выслалъ брату экземпляръ басенъ, вышедшихъ тогда новымъ изданіемъ. «А басни, пишетъ по этому поводу Л. А., тѣже, что ты прежде мнѣ присылалъ съ прибавленіемъ только нѣсколькихъ новыхъ; а я полагалъ, что по крайней мѣрѣ еще столько же ихъ написалъ. Однакожъ хотя не много, за то прекрасныя!»

Въ 1820 году Л. А. постигли два несчастія. Вотъ какъ онъ разсказываетъ о первомъ изъ нихъ (въ п. отъ 24 янв.): «Пожалѣй обо мнѣ: хуторъ мой сгорѣлъ сего января 15 дня, въ 7 часовъ вечера. Деньщичья дочь, 9-ти лѣтъ, ходила въ сѣни съ огнемъ взять прядева и нечаянно зажгла. При этомъ сгорѣло: двѣ повозки, куръ 15 и гусей 10; а коровъ и лошадь успѣли вывести; двѣ коровы немного опалились, а сѣно хотя и подлѣ самой хаты стояло, но вѣтеръ былъ въ противную сторону,—уцѣлѣло. Теперь деньщикъ живетъ въ чужой хатѣ... Лѣтомъ надо стараться поставить новую хатишку». За тѣмъ Л. А. извѣщаетъ брата, что постоян-

но занятъ бумагами, потому что съ часу на часъ ожидаетъ баталіоннаго начальника, который намѣревается смотрѣть его команду.

И. А. отвѣчалъ на это извѣстіе выраженіемъ соболѣзнованія не только словомъ, но и дѣломъ. Слѣдующее письмо Л. А. (отъ 23 марта 1820) начинается такъ: «Здравствуй, голубчикъ тятенька! цѣлую тебя мысленно тысячу разъ.... Письмо твое получилъ 20-го сего марта съ 300 р. ас. Благодарность мою за отеческія твои ко мнѣ милости можно только чувствовать, но не описать. Мнѣ весьма чувствительно, любезный тятенька, что при всемъ твоемъ недостаткѣ, какъ ты пишешь, прислалъ мнѣ 300 р. Я полагаю, что ты у себя отнялъ послѣднее или занялъ, хотя я не писалъ тебѣ о недостаткѣ своемъ, ибо я дѣйствительно, по милости твоей, до крайности не доходилъ, да и писалъ тебѣ отъ 9 сего мѣсяца, что я купилъ хату за 50 р. ас. Но теперь я сдѣлался богачемъ и прошу тебя обо мнѣ не безпокоиться». За тѣмъ, отвѣчая на вопросъ брата, Л. А. продолжалъ: «Мнѣ странно, любезный тятенька, что ты думаешь, будто я владѣю хуторомъ безъ всякихъ на него бумагъ. Я купилъ его формально и утвердилъ крѣпостію на гербовой бумагѣ, за подписомъ магистрата; слѣдовательно, онъ и потомству нашему принадлежать будетъ, котораго, видно, у насъ никогда не будетъ. По желанію твоему, планъ хутора я пришлю тебѣ, миленькій тятенька, только не прежде, какъ на Ѳоминой недѣлѣ, потому что теперь очень грязно и черезъ рѣку Бугъ не можно переѣхать... Ты увидишь, что мѣстоположеніе хутора очаровательно».—Въ припискѣ Л. А. проситъ брата извѣстить его, не произведенъ ли онъ въ чинъ и не получилъ ли какого ордена. Объ этомъ Л. А. и прежде спрашивалъ нѣсколько разъ, но не получалъ никакого опредѣленнаго отвѣта.

Любопытство его вскорѣ было удовлетворено: въ апрѣлѣ 1820 г. онъ прочелъ въ *Инвалидѣ*, что И. А-чъ награжденъ орденомъ Св. Владиміра 4 ст., и подъ вліяніемъ перваго впечатлѣнія написалъ слѣдующее (отъ 24 апр. 1820): «Я до безпамятства обрадовался, увидя въ *Инвалидѣ*, что ты награжденъ... Дай Богъ, отъ всего сердца тебѣ желаю, чтобы я увидѣлъ тебя въ голубой лентѣ. Умъ и добродѣтель твоя заслуживаютъ всѣхъ почестей въ свѣтѣ.»

Въ письмѣ отъ 5-го мая, Л. А. поздравляетъ брата съ новою наградою: «Твое письмо, пишетъ онъ отъ 15 апр., меня до крайности обрадовало. Поздравляю тебя, мой милый тятенька, съ великою монаршею милостью. Теперь, я увѣренъ, ты не будешь больше имѣть нужды»... Эта награда состояла въ удвоеніи пансіона, который Крыловъ получалъ съ 1812 года изъ кабинета его величества.

Почти черезъ мѣсяцъ командѣ Л. А. былъ назначенъ смотръ, окончившійся весьма неблагополучно. Это — второе несчастіе, постигшее его въ этомъ году: «1-го іюня смотрѣлъ баталіонный командиръ, полковникъ Бурнашевъ, и меня такъ огорчилъ, что я и теперь хожу, какъ сумашедшій», писалъ онъ 15-го іюля. «Ему не показалось, что люди не такъ доведены

въ обученіи, какъ въ арміи; но людей старыхъ, изувѣченныхъ, поступающихъ въ инвалидъ совершенно ни къ какой службѣ негодныхъ, мучить ученіемъ, кажется, все ровно, что убивать и укрощать послѣдній остатокъ изъ жизни; да и я самъ не въ силахъ доводить до совершенства, котораго требуютъ. Нѣкоторые мундиры, построенные мною, показались командиру нé хороши. Они довольно просторны, и я ни мало не имѣлъ намѣренія на счетъ постройки интересоваться какими нибудь 10 или 15 аршинами толстаго сѣраго сукна. Къ тому же, какъ сукно присылается изъ баталіона, то я полагалъ, что оно моченое, и по спросѣ моемъ, старые унтеръ-офицеры отвѣчали, что суконъ при командѣ не мочатъ, а такъ кроятъ, какъ присылаютъ изъ баталіона. Поэтому баталіонный командиръ отказалъ мнѣ отъ командованія и поручилъ прапорщику другой команды. Изъ этого ты можешь судить, любезный тятенька, въ какомъ я теперь нахожусь огорченіи. Божусь, что насилу собрался къ тебѣ написать. Баталіонный командиръ думаетъ, что я весьма много интересуюсь отъ команды; но я клянусь тебѣ, голубчикъ-тятенька, какъ брату, отцу и другу, что кромѣ жалованія ни на грошъ никогда не интересовался отъ команды. За грѣхъ и стыдъ почиталъ и почитаю чѣмъ нибудь не позволительнымъ пользоваться, черезъ что могъ бы потерять честь и доброе имя. Да и на что мнѣ? Я по твоей милости нужды ни въ чемъ не терплю. Прости, голубчикъ, силъ моихъ болѣе не достаетъ писать. Будь здоровъ и счастливъ. Остаюсь въ нетерпѣливомъ ожиданіи отъ тебя отвѣта.»

И. А. на сей разъ не замедлилъ отвѣтомъ. Чтобы читатели могли составить понятіе о смыслѣ этого отвѣта, приводимъ съ небольшими пропусками письмо Л. А. отъ 24 іюля 1820 г.: «Письмо твое, отъ 4 іюля, получилъ я, мой милый тятенька, сего іюля 23 дня, и весьма жалѣю, что я писалъ тебѣ о моемъ неудовольствіи, которое тебя такъ огорчило. Ты мнѣ пишешь, любезный тятенька, что я будто бы не училъ людей экзерциціи; но я божусь тебѣ, что ученіе происходило, только много было препятствій: армейскіе стояли въ то время въ лагерѣ, а инвалидные занимали по всему городу караулы; къ тому же арестантовъ провожали инвалидные же, такъ что людей очень мало на лицо оставалось. Что же касается до немоченія суконъ, то во всѣхъ командахъ сукно не моченое, и я здѣсь первый разъ дѣлалъ постройку мундировъ; со всѣмъ тѣмъ мундиры очень хороши, и г. полковникъ приказалъ сдѣлать пробу — намочить одинъ мундиръ, который, какъ высохъ, то почти непримѣтно, чтобъ ссѣлся. — Я надѣюсь, голубчикъ тятенька, что меня г. полковникъ проститъ... Я увѣренъ, что онъ обо мнѣ худыхъ мнѣній сердечно не имѣетъ. Я ему всегда былъ покоренъ, да и служа 34 года, съ малолѣтства научился повиноваться и всегда былъ начальниками любимъ, какъ ты и самъ былъ очевидецъ, когда пріѣзжалъ ко мнѣ въ полкъ; и въ Каменцѣ командовалъ ротой при немъ три года безотлучно... Ты мнѣ пишешь, голубчикъ-тятенька, чтобы я съѣздилъ къ г. полковнику извиниться. Но онъ службу мою знаетъ, и я ему изъяснялся въ своей неумышленной винѣ.

Я увѣренъ, что это все пройдетъ. Горячіе люди вообще добрѣе, и онъ меня проститъ со временемъ. Прошу тебя, голубчикъ мой, не безпокойся обо мнѣ: твое безпокойство болѣе меня будетъ мучить. Богъ милостивъ!» *и проч.* Нѣкто маіоръ Колтовской совѣтовалъ ему перейти въ неслужащій инвалидъ. Мысль эта очень понравилась Л. А-чу. «Хотя мнѣ, пишетъ онъ отъ 7 авг., полковникъ и отдастъ команду, по кромѣ хлопотъ, я ежедневно долженъ бояться подпасть подъ штрафъ; нынѣ же весьма строго взыскиваютъ за самую малость, особливо за побѣги арестантовъ. Неслужащимъ же офицерамъ жалованіе тоже, что и служащимъ... И такъ я ожидать буду отъ тебя, любезный тятенька, совѣта, подать ли мнѣ въ неслужащіе и въ какой городъ».

Слѣдующее письмо (отъ 21 авг.) принесло П. А. утѣшительное извѣстіе: 10 августа государь посѣтилъ Винницу и былъ весьма доволенъ состояніемъ команды. Вѣроятно, это было причиною, что полковникъ «умилостивился» и возвратилъ команду Л. А-чу, о чемъ онъ съ видимымъ удовольствіемъ сообщаетъ брату.

19-го декабря П. А. послалъ брату 150 р. ас. при письмѣ, содержаніе котораго отчасти опредѣляется отвѣтомъ Л. А. (отъ 7 янв. 1821): «Съ великимъ удовольствіемъ вижу изъ твоего письма, что ты имѣешь такого добраго начальника, который такъ къ тебѣ расположенъ, какъ къ родному. Желаю ему и всему его семейству всѣхъ благъ, которыми человѣкъ можетъ насладиться въ здѣшней и въ будущей жизни... Мнѣ весьма пріятно слышать, что императрицы къ тебѣ такъ благосклонны; но не удивляюсь, зная твой разумъ, добродѣтель и счастливый характеръ. Я увѣренъ, что кто тебя разъ увидитъ и насладится твоимъ разговоромъ, тотъ, конечно, всѣмъ сердцемъ къ тебѣ прилѣпится и пожелаетъ быть съ тобою неразлучно. Только жалѣю очень, любезный тятенька, что твоя муза такая сонливая и лѣнивая»...

6-го января 1823 г. Л. А. снова получилъ письмо отъ брата и снова 200 р. ас. «Я несказанно радуюсь, писалъ онъ въ отвѣтъ на это письмо (10 янв.) увѣренію твоему дѣлиться со мною, чѣмъ Богъ послалъ. Да наградитъ тебя Всевышній долголѣтнимъ здравіемъ и благополучіемъ. Ты, подлинно, говоришь, какъ великодушный человѣкъ, что насъ только двое и послѣ насъ наслѣдниковъ никого не останется; но только не всѣ такъ думаютъ, а однѣ высокія, благороднѣйшія души. Мы же теперь оба становимся старики, ибо мнѣ скоро 46 лѣтъ кончится (а въ службѣ 37-й годъ съ сентября пошелъ), а тебѣ, голубчикъ тятенька, 54 скоро минетъ, и въ разлукѣ мы уже 17 съ половиною лѣтъ». Далѣе Л. А. пишетъ: «Прошу тебя со слезами, попроси гр. Комаровскаго или дежурнаго при немъ генералъ-маіора Мухина, чтобы сдѣлали предписаніе г. полковнику Бурнашеву удалить меня отъ командованія; ибо есть молодые люди въ гарнизонѣ и въ инвалидѣ совершенно праздные, а старому, слабому и трудами изнуренному человѣку покою нѣтъ»...

«Я вчера начиталъ въ Инвалидѣ, пишетъ Л. А. (отъ 3-го февр.), что

истекшаго января 14-го было въ Академіи большое собраніе и съ неизрѣченною радостью увидѣлъ, что тебѣ и г. Карамзину за отличныя ваши сочиненія всѣ единодушно согласились поднести золотыя медали; а особливо тебѣ, голубчикъ-тятенька, самъ президентъ поднесъ медаль и съ рукоплесканіемъ всѣхъ присутствующихъ, что мнѣ тѣмъ болѣе радостно и лестно слышать, что всѣ ученые люди сердечно признали тебя достойнымъ. Теперь мнѣ желательно знать, кто такой президентъ, а также и другіе... Пожалуйста, увѣдомь меня, голубчикъ, какое изображеніе на медали и на какой лентѣ, и не полѣнись, срисуй мнѣ ее и пришли, чѣмъ много меня обрадуешь»... И. А. въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, предупредилъ просьбу брата въ своемъ письмѣ отъ 28 января. Вотъ отвѣтъ Л. А. на это письмо: «Письмо твое получилъ я съ живѣйшимъ чувствомъ восторга и радости, съ благодареніемъ Всевышнему за Его къ тебѣ великія милости, и молю Его, да наградитъ тебя по твоей истинной добродѣтели и здравому разуму, которые единодушно признаны всею почтеннѣйшею публикою. Ты, любезный тятенька, говоришь, что не могъ не прослезиться, получая чистосердечныя признанія твоего достоинства отъ всей публики. И дѣйствительно, какое бы каменное сердце могло удержаться отъ волненія и чувства благодарности, которое ты въ то время чувствовалъ... Ты предупредилъ меня, любезный тятенька, объясненіемъ церемоніи и исчисленіемъ присутствующихъ важныхъ особъ, а также и присылкою снимка съ полученной тобою медали»... Далѣе Л. А. благодаритъ брата за намѣреніе перевести его въ неслужащій инвалидъ, которое онъ думалъ привести въ исполненіе при содѣйствіи какого то стараго пріятеля Щуленникова. Дѣйствительно, въ слѣдующемъ же мѣсяцѣ полковникъ Бурнашевъ получилъ изъ Петербурга письмо, вслѣдствіе котораго предложилъ Л. А. подать прошеніе на высочайшее имя о переводѣ въ неслужащій инвалидъ. Въ письмѣ отъ 17 марта 1823 г. онъ благодаритъ брата за содѣйствіе и проситъ поторопить дѣло, если оно пойдетъ по начальству и дойдетъ до главнаго начальника гр. Комаровскаго.

Въ маѣ И. А-чь исполнилъ просьбу брата о книгахъ, а потому письмо отъ 9-го іюля 1823 г. посвящено преимущественно сужденіямъ о присланныхъ сочиненіяхъ. Приводимъ нѣкоторыя изъ нихъ, полагая, что въ этихъ сужденіяхъ обнаруженъ не одинъ личный взглядъ Л. А., но взглядъ огромнаго большинства, къ которому онъ принадлежалъ: «Читалъ я, пишетъ онъ, басни г. Измайлова; но въ сравненіи съ твоими, какъ небо отъ земли; ни той плавности въ слогѣ, ни красоты нѣтъ, а особливо простоты, съ какою ты имѣешь секретъ писать, ибо твои басни грамотный мужикъ и солдатъ съ такою же пріятностію можетъ читать, хотя не понимая смысла оныхъ, какъ и ученый... Читалъ и сочиненія г. Жуковскаго, но онъ, какъ мнѣ кажется, пишетъ только для ученыхъ, и болѣе занимается вздоромъ, а потому слава его весьма ограничена. А также г. Гнѣдичъ, человѣкъ высокоумный и щеголяетъ на поприщѣ славы между не-

многими. Но какъ ты, любезный тятенька, пишешь, — это для всѣхъ: для малаго и для стараго, для ученаго и простаго, и всѣ тебя прославляютъ... Басни твои—это не басни, а апостолъ»... Въ числѣ книгъ, присланныхъ И. А., былъ французскій переводъ его басенъ. О самомъ переводѣ Л. А. отзывается сухо; но ему особенно пріятно было прочитать предисловіе. «Оно привело меня въ восторгъ, говоритъ онъ; авторъ сердечно признается, что ты самыхъ отличныхъ талантовъ, и всякая просвѣщенная нація за честь себѣ поставила бы имѣть тебя своимъ соотечественникомъ. Этого, я думаю, еще никогда никто въ Россіи не слыхивалъ».

Почти весь іюнь Л. А. проболѣлъ и обязанъ былъ выздоровленіемъ доброму пріятелю своему и сосѣду, уѣздному доктору Прокоповичу. Донося объ этомъ (20 іюля) И. А-чу, онъ укорялъ его за то, что онъ не отвѣчаетъ на его письма. Но Л. А. не зналъ, что И. А. былъ въ то время боленъ, и что ему угрожала не меньшая опасность, отвращенная единственно заботливою попечительностію сначала семейства Олениныхъ, а потомъ императрицы Маріи Ѳеодоровны. Оправившись отъ болѣзни, И. А. немедленно сообщилъ брату о постигшемъ его несчастіи и о послѣдовавшихъ за нимъ событіяхъ, извѣстныхъ читателю изъ біографіи, написанной Плетневымъ. Извѣстіе это возбудило въ Л. А. какое-то смѣшанное чувство: «Письмо твое отъ 17 августа, пишетъ онъ, несказанно меня обрадовало. Благодарю Всевышняго Творца, что ты теперь, по милости Его и попеченіями милосердой нашей императрицы, выздоровѣлъ. Мнѣ пріятно и лестно государыни нашей и всего августѣйшаго дома къ тебѣ благорасположеніе. Молю Создателя о здравіи твоемъ и всей царской фамиліи, а также о твоемъ почтеннѣйшемъ начальникѣ г. Оленинѣ. Болѣзнь твоя была очень опасна и меня глубоко тронула; но, слава Богу, я теперь спокоенъ». Къ письму, какъ видно, былъ приложенъ списокъ б. *Василекъ*, о которой Л. А. выразился такимъ образомъ: «Басня твоя *Василекъ*, которую я вытвердилъ наизусть, безпримѣрна и очень кстати написана: въ ней ты умѣлъ весьма тонко и сердечно изъявить свою благодарность великой нашей императрицѣ... Басню эту я почитаю въ родѣ оды, весьма тонкой и хитрой, не имѣющей въ себѣ ни почерка грубой и постыдной лести, что во многихъ одахъ примѣтно». — И. А. въ своемъ письмѣ разсказывалъ, какъ проводилъ время въ Павловскѣ; это подало поводъ къ забавному недоразумѣнію: «Ты пишешь, любезный тятенька, продолжалъ Л. А., что ты былъ всегда за столомъ императрицы и участвовалъ во всѣхъ играхъ, игралъ роль въ твоей баснѣ Ѳоки, а князь Голицынъ Демьяна, а г-жа Ушакова жену его. Пожалуйста, голубчикъ, объясни мнѣ: развѣ сдѣлалъ ты изъ басни оперу, ибо говоришь, что на оную сочинена музыка; но я объ этомъ нигдѣ не находилъ, нигдѣ въ газетахъ. Сдѣлай милость, если ты изъ басни сдѣлалъ оперу, пришли мнѣ ее, голубчикъ. Она должна быть чрезвычайна»...

Въ апрѣлѣ 1823: «Письмо твое, отъ 20 марта я получилъ 2-го сего мѣсяца съ неизрѣченною радостью. Благодарю Бога, что ты здоровъ и

что онъ наградилъ тебя такимъ почтеннѣйшимъ, добрымъ и любезнымъ начальникомъ, каковъ твой благодѣтель г. Оленинъ. Докладъ его государю о наградѣ тебѣ, любезный тятенька, я читалъ съ великимъ восхищеніемъ. И подлинно, неудивительно, что твой почтенный благодѣтель умѣетъ быть любимымъ государемъ. Докладъ написанъ чрезвычайно хорошо».

11 августа И. А. увѣдомилъ брата, что ѣздилъ въ Ревель, да еще и моремъ. Поѣздку эту Крыловъ предпринялъ совершенно случайно. Проходя однажды по набережной, онъ встрѣтилъ знакомаго, который, собираясь ѣхать въ Ревель, предложилъ ему навѣстить командира Ревельскаго порта Спафаріева, знакомаго Крылову и извѣстнаго своимъ хлѣбосольствомъ. Крыловъ, не долго думая, сѣлъ на пароходъ. Объ этомъ случаѣ всѣ лица, знавшія Крылова, разсказываютъ совершенно одинаково. Это весьма обезпокоило стараго воина: «Благодарю Бога, что ты благополучно совершилъ свое путешествіе, и радуюсь сердечно, что ты здоровъ. Но еслибы я прежде узналъ, то бы мнѣ это не дало спокойствія, покамѣстъ не узналъ бы о твоемъ благополучномъ возвращеніи, ибо я какъ тебѣ извѣстно, испыталъ сію непостоянную стихію: шесть мѣсяцевъ не сходилъ съ корабля и видѣлъ всѣ ея проказы. И такъ ты теперь, любезный тятенька, можешь назваться мореходцемъ, только совѣтую впередъ безъ нужды не отдаваться прелестямъ сей обманчивой стихіи. — Мнѣ весьма пріятно и лестно слышать, любезный тятенька, о благорасположеніи къ тебѣ нашей государыни и всего августѣйшаго дома. Да будетъ надъ ними всегда благодать Божья». Въ заключеніе письма онъ проситъ прислать ему новый портретъ, который въ то время печатался по просьбѣ книгопродавца Сленина.

Ровно черезъ мѣсяцъ И. А-чъ снова получилъ изъ Винницы письмо, но уже писанное чужою, незнакомою рукою. «Съ душевнымъ прискорбіемъ писалъ авторъ этого письма, ближайшій начальникъ его брата, маіоръ Колтовской,—берусь за перо, чтобы начертать вамъ нѣсколько строкъ о потерѣ брата вашего Льва Андреевича. Онъ оставилъ сей свѣтъ по кратковременной болѣзни, ноября 25-го, поутру въ 8 часовъ. Пять дней былъ онъ боленъ сильною горячкою, а въ шестой скончался. Послѣднее письмо ваше онъ получилъ 22 ноября, но не могъ уже онаго читать и попросилъ прочесть оное находящагося при немъ штабъ-лекаря уфимскаго полка, и наконецъ, поцѣловавъ портретъ вашъ, сказалъ: «Ахъ, любезный братъ, ты не знаешь, какъ я боленъ!»

За тѣмъ Колтовской сообщаетъ, что тѣло покойнаго предано землѣ въ оградѣ Благовѣщенскаго дѣвичьяго монастыря, при чемъ отдана ему послѣдняя воинская почесть тремя ружейными выстрѣлами, «возвѣстившими конецъ всѣмъ мірскимъ суетамъ». Послѣ похоронъ Колтовской опросилъ команду, которая не изъявила никакихъ претензій на бывшаго своего командира, и передалъ ее старшему въ командѣ офицеру. «Съ наличными оной команды господами офицерами, продолжалъ онъ, сдѣлалъ

я опись всѣмъ вещамъ и деньгамъ [1]), оставшимся послѣ его смерти, которую на разсмотрѣніе и роспоряженіе ваше при семъ препровождаю. Подъ священною клятвою доношу вамъ, что болѣе показанныхъ въ реестрѣ вещей и денегъ ничего не осталось. Я только осмѣлился взять себѣ одну изъ книгъ, Римскую исторію, для своего сына, и портретъ вашъ, присланный при послѣднемъ письмѣ, въ знакъ памяти, и тотъ не иначе оставлю себѣ, какъ съ позволенія вашего». По благодарственнымъ письмамъ, полученнымъ Крыловымъ изъ Винницы, видно, что хуторъ со всѣмъ строеніемъ и принадлежащими къ хозяйству вещами, а также двѣ коровы съ телятами и 75 р. ас., онъ отдалъ деньщику; всю рухлядь — унтеръ-офицеру Усатову; сверхъ того женѣ офицера инвалидной команды, Марьѣ Михайловнѣ Ступиковой, въ память о своемъ братѣ, при которомъ она находилась во время болѣзни, нѣсколько серебряныхъ вещей.

Теперь читателямъ интересно будетъ узнать, какъ принялъ Крыловъ извѣстіе о кончинѣ брата. Смерть, постигающая хотя и роднаго, но вдали живущаго и давно не видѣннаго человѣка, разлука съ которымъ уже вошла въ привычку, конечно, не можетъ такъ поразить, какъ утрата тѣхъ, съ кѣмъ сближаютъ ежедневныя личныя сношенія и одинаковые интересы. Однакожъ отъ Варвары Алексѣевны Олениной мы слышали, что внезапное извѣстіе о смерти брата сильно подѣйствовало на И. А-ча. Онъ сдѣлался молчаливъ и мраченъ, хотя ни въ чемъ не измѣнилъ своего образа жизни: по прежнему посѣщалъ клубъ и проводилъ вечера у Олениныхъ. Друзья его терялись въ предположеніяхъ, но не рѣшались спрашиватъ. Елисавета Марковна одна имѣла право на его откровенность, но и она выжидала удобнаго случая. Такъ прошло недѣли три. Наконецъ А. И. повидимому сталъ приходить въ свое нормальное состояніе. Елисавета Марковна, улучшивъ минуту, спросила его: «Что съ вами было, Крылочка? Вы на себя не походили». — «У меня, отвѣчалъ Крыловъ, былъ родной братъ, единственное существо на свѣтѣ, связанное со мною кровными узами. Недавно онъ умеръ. Теперь я остался одинъ». Елисавета Марковна постаралась утѣшить его, и съ тѣхъ поръ разговоръ объ этомъ предметѣ не возобновлялся.

Отношенія къ брату открываютъ новую, нетронутую біографами сторону въ жизни Крылова и много способствуютъ къ возстановленію правильнаго взгляда на него, какъ человѣка. Характеристика его, написанная Вигелемъ, — произведеніе, по нашему мнѣнію, стольже блестящее, какъ и требующее строгой повѣрки,—не могло не оказать своихъ послѣдствій, тѣмъ болѣе, что авторъ ея, отдавъ справедливость уму баснописца и сознавшись, «что если самъ имѣетъ, сколько нибудь ума, то много около него набрался», заставляетъ читателя вѣрить ему безусловно. Даже П. А. Плетневъ, лично знавшій поэта и глубоко его уважавшій, не могъ

[1]) Эта опись сохранилась въ бумагахъ г. Савельева вмѣстѣ съ документамиадивлаѣніе хуторомъ.

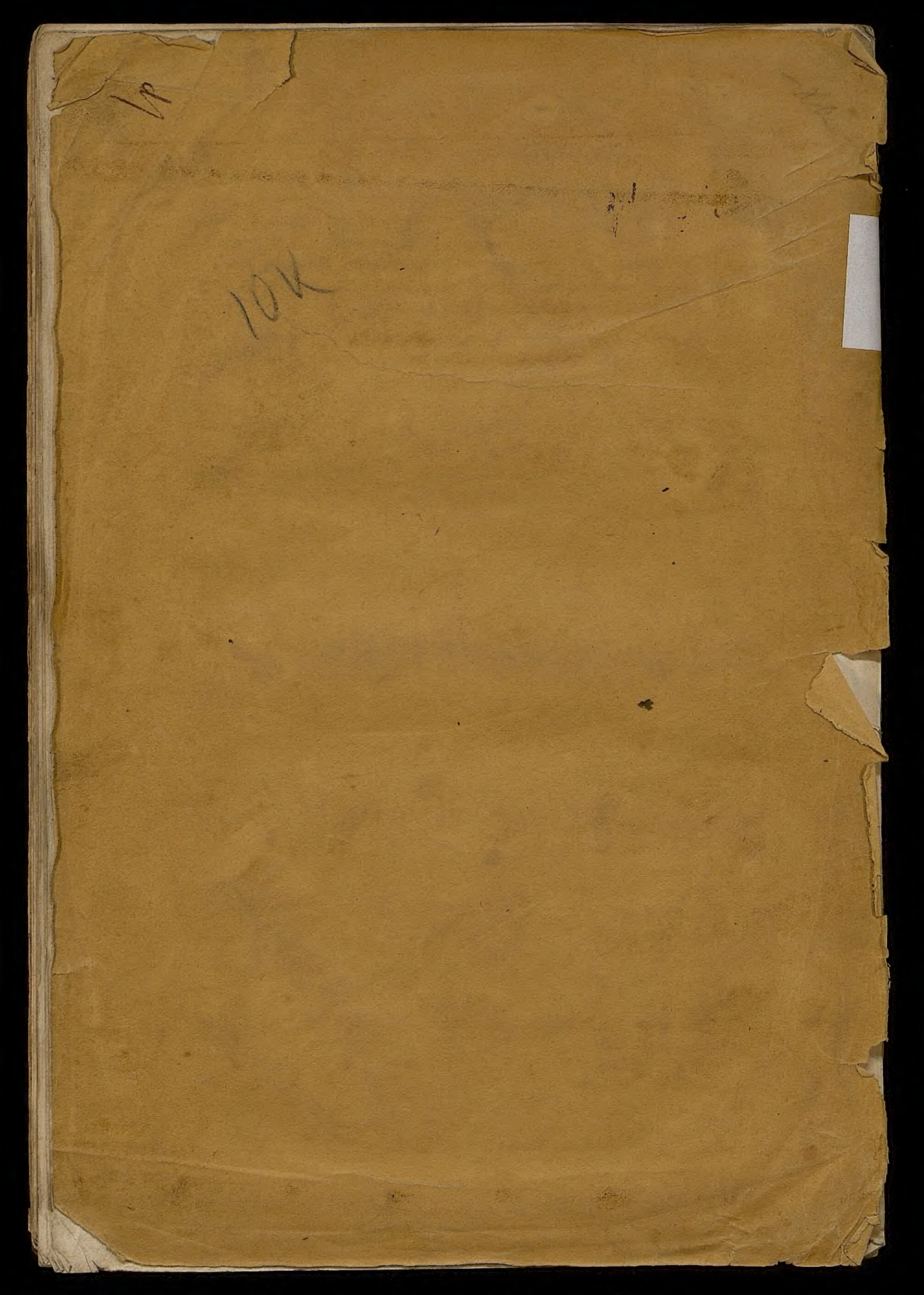
не увлечься этой характеристикой, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ біографіи намекаетъ на тѣ черты, которыя такъ рѣзко очерчены Вигелемъ. Смѣемъ думать, что изложенные здѣсь факты значительно измѣнятъ то понятіе, которое составляется о Крыловѣ по *Воспоминаніямъ* Вигеля. Мы же съ своей стороны, ни сколько не колеблясь, рѣшаемся примѣнить къ нему его же собственныя слова въ полной ихъ силѣ:

Кто добръ поистинѣ, не распложая слова,
Въ молчаньи тотъ добро творитъ.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ, мартъ 1869 г.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(В. О., 9 лин., № 12.)

10K